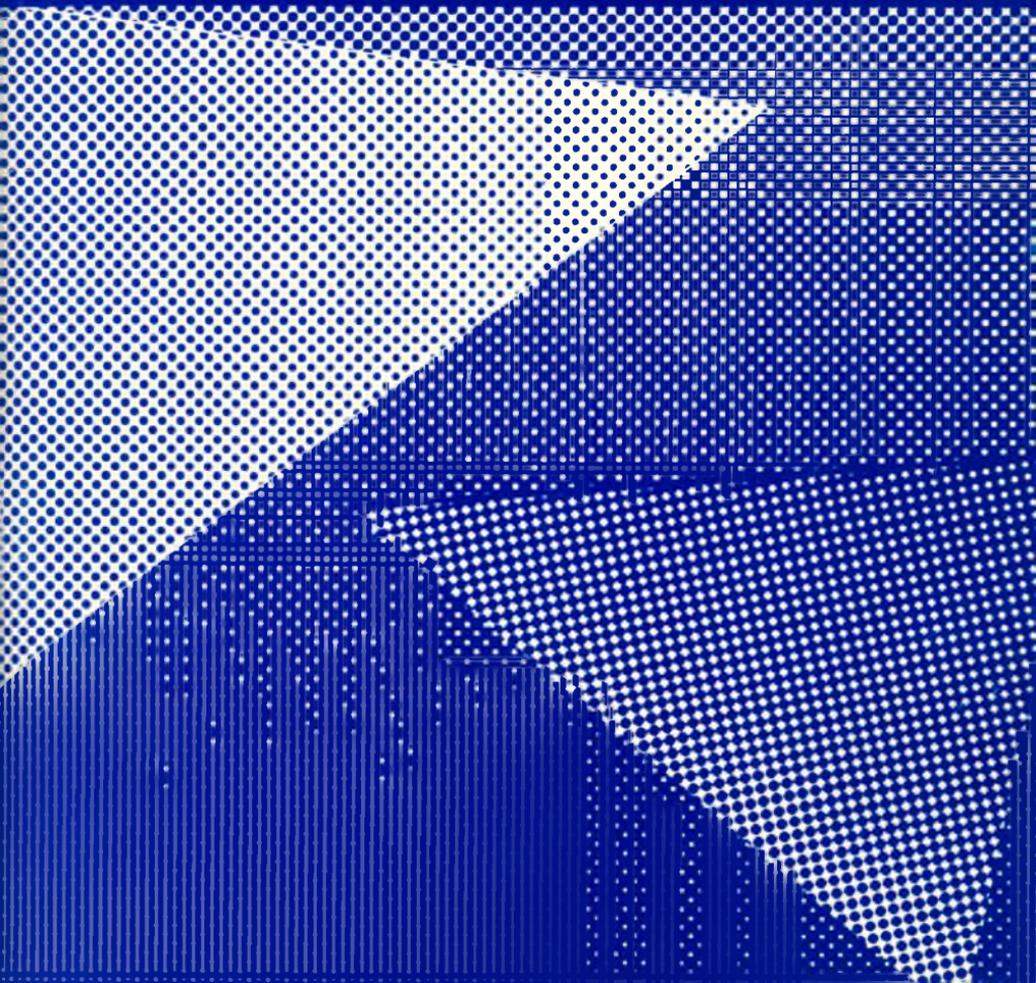

СОЛЖЕНИЦЫН И СОЦИАЛИСТЫ

ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Юрий Фельштинский

СОЛЖЕНИЦЫН И СОЦИАЛИСТЫ

Издательство
«ТРЕТЬЯ ВОЛНА»
Париж — Нью-Йорк
1983

Редактор А. Глезер
Художник Г. Капелян
Корректор Л. Черняк

© Все права сохраняются за автором и издательством "Третья волна"
Все права на распространение книги принадлежат Russica Book Shop

ВЫЛОЖИМ КАРТЫ НА СТОЛ...

На протяжении последних лет многочисленные эмигрантские авторы, оппоненты Александра Исаевича Солженицына, на страницах русской зарубежной прессы и западных леволиберальных газет и журналов, искажая слова и мысли Солженицына, превратно толкуя его идеи, бросаются в атаку на великого русского писателя после каждого его выступления. Владимир Буковский в связи с этим очень точно заметил: "Любой ишак, который сейчас вякнет против Солженицына или "Континента", сразу же получит мировую прессу вкупе с почетным званием писателя-диссидента Советского Союза". И действительно, когда еще западная пресса так вмешивалась в споры русских эмигрантов, предоставляя одной из их групп целые газетные страницы или подвалы? Да никогда! Что же случилось? Ларчик открывается просто. За десять лет детанта на Западе сложился поистине н о в ы й к л а с с, образно говоря, плотью и кровью, связанный с СССР. Этот класс включает в себя промышленников и бизнесменов, лидеров некоторых партий и профсоюзов, профессоров-славистов, ученых, артистов, писателей, журналистов... Для подобных людей диссиденты и олицетворяющий их в западном сознании Солженицын стоят поперек горла. Ведь надо же: приехали — и рушат милый сердцу и карману детант.

Ну, ладно, с той частью западной прессы, которая выражает взгляды сторонников детанта — все понятно. Но почему так упорно определенная группа эмигрантов-"интеллектуалов" с пеной у рта доказывает опасность Солженицына для России, предрекает, что его идеи приведут к новому ГУЛагу, утверждает, что главная опасность для мира не в экспансивном коммунизме, а в русском национализме? Зачем, приписывая Солженицыну слова и мысли, которые он никогда и нигде не высказывал, эти "интеллектуалы" обвиняют его и всех, кто полностью или частично разделяет взгляды писателя, в антидемократичности? Отчего они выходят из себя после любого выступления Солженицына?

”...Что Солженицын — зеркало русской антидемократии, это очевидно”, — пишет Б. Шрагин. И восклицает: ”Давайте, господа антидемократы, выложим наши карты на стол!”.

”Давайте!”, — отвечает ему на страницах этой книги Юрий Фельштинский и убедительно доказывает, что к демократам оппоненты Солженицына никакого отношения не имеют, что все они проникнуты социалистической идеологией и именно по этой причине Солженицын вызывает у них такую ненависть и именно по этой причине в полемике с ним цель для них оправдывает средства.

Кое-кто считает, что с критиками Солженицына не стоило бы и спорить. Наверное, не стоило, если б вопрос касался менее важных проблем, чем судьба нашей родины и всего человечества. А дело обстоит именно так. И поэтому книга Юрия Фельштинского представляется мне как нельзя более своевременной.

Александр Глезер

Если бы в СССР пришли к власти люди, думающие сходно со мною, — их первым действием было бы уйти из Центральной Америки, из Азии, из Восточной Европы, оставив все эти народы их собственной вольной судьбе. Их вторым шагом было бы прекратить убийственную гонку вооружений, но направить силы страны на лечение внутренних уже почти вековых ран, уже почти умирающего населения. И уж конечно открыли бы выходные ворота тем, кто хочет эмигрировать из нашей неудачливой страны.

Александр Солженицын
Из письма Президенту США
Рональду Рейгану

Бесконечны споры нашей эмиграции. До хрипоты в горле. До ссор между вчерашними друзьями. До взаимных обвинений в азефстве. Потоки полемических статей разливаются по страницам газет и журналов, разделяя многочисленных авторов на не менее многочисленные фракции. Противоречия принципиальные вдруг переходят и в личную вражду, и уже заслоняют собой те изначальные разногласия, ради которых и был начат спор. Дробятся редакции. Множатся газеты и журналы. Но ни один печатный орган от этого не становится профессиональнее.

Всех нас объединяет одно — опыт жизни в СССР. Парадоксально, что этот опыт осмысливается во многом по-разному. Но о чем же спорим мы, бывшие узники советской власти, вырвавшиеся, либо высланные на Запад? Об объединении сил для борьбы с Советами? О предотвращении распространения коммунизма? Нет, об этом — крайне редко. Чаще...

Так бывало уже не раз в русской истории, что люди, более других пострадавшие за Россию, лучше всех нас ее понимающие и знающие, ощущающие свое причастие к русской истории, культуре, языку и народу, но и более других для России и ее народа с д е л а в ш и е, — становятся объектом наирезчайших нападков самых различных политических групп и течений. Я, безусловно, имею ввиду ту постоянную критику, которой в последние годы подвергают Александра Исаевича Солженицына. Отнести ли это к закоренелому человеческому пороку — не прощать другим их гениальности — или к действительным политическим разногласиям?

Лишь только приземлившись в венском аэропорту, вчерашние советские граждане, всю жизнь прожившие под коммунистическим гнетом, вдруг обнаруживают главную опасность, грозящую человечеству, не в удушливой классовой теории Маркса, но в А. Солженицыне. Увы, дискуссии о великом русском писателе не относятся к тем спорам, в которых рождается истина. Здесь очень многое за-

висит от позиции и не может быть доказано с математической точностью. А позиции уже определены. Переубедить, как правило, можно только читателей, но не авторов самих статей.

Спор, собственно, ведется не о А. Солженицыне. Спор идет о настоящем и будущем социализма. В современном мире А. Солженицын стал одним из немногих выдающихся людей времени, принявших вызов, брошенный социалистами всему человечеству. Именно это и ничто больше лежит в основе разногласий А. Солженицына и его оппонентов*. И поэтому, как правило, социалисты критикуют А. Солженицына не за конкретные его высказывания, а за *любые* его мысли.

* * *

Многие из критиков А. Солженицына давно переступили те дозволенные рамки полемики, в которых цивилизованные люди способны вести профессиональный спор. В потоках выпадов, ругани и передергиваний уже не хватает места ни человеческим аргументам, ни обычной интеллигентности. Абсурд следует за абсурдом. Только наша всеядная эмигрантская пресса, в которой свобода слова часто заменяется отсутствием редакторов (по финансовым соображениям) и многие статьи, а то и книги идут в набор нечитанными никем, кроме их создателей, может выдержать до изумления простое утверждение, что А. Солженицын — не в своем уме, в примитивном и прямом смысле этого слова. Один из критиков А. Солженицына пишет:

Вывод однозначен: перед нами по мрачению рассудка. Солженицын... не выдержал удара абсолютной славы. Рассудок человека, вероятно, не способен, как правило, выдерживать такой абсолютной славы, как и абсолютной власти, всегда связанной со славой, пускай и возвращенной на лести. (Слабые умом и духом могут потерять рассудок и от ограниченной славы и власти, как и от неожиданного богатства)... Безумие в этом случае облекается в яркую завораживающую форму и перемешивается с элементами подлинного провидения. Видимо, помрачение рассудка ослабило моральные тормоза у Солженицына и выпустило все злые чувства из подсознания, где они сформировались в ранний период его жизни под воздействием каких-то обстоя-

---

* Михайло Михайлов в статье "Ответ моим критикам" (газ. "Новый свет", №5 (93), ноябрь 1981 г.) пишет: "оппонент Солженицына профессор Ричард Пайпс... известен своими антикоммунистическими взглядами..." Но Ричард Пайпс, буквально единственное исключение из правила, расходится с А. Солженицыным по вопросу о том, был ли октябрьский переворот естественным продолжением российской истории или ее переломным моментом. Впрочем, сам М. Михайлов называет работы профессора Пайпса "тоже не совсем уж объективными" (М. Михайлов, "Возвращение великого инквизитора", "Континент" №28, 1981, стр. 183).

тельств. Говоря здесь о помрачении рассудка, я имею в виду не а в е д е н н о е (славой или властью), а не патологическое расстройство. Имею в виду расстройство, которое нельзя с точки зрения медицинской и юридической классифицировать, как невменяемое состояние... Однако, мы должны помнить при этом, что наведенное безумие (славой и властью) объективно опаснее для общества, нежели патологическое.

О нет, это не медицинское заключение из института имени Сербского в Москве. Это статья, опубликованная в США, в газете "Новый американец".* В ней дано еще и параллельное сравнение А. Солженицына с "безумцами" и "маньяками" Сталиным и Гитлером. Бумага все терпит. Что можно возразить на такое "обвинение"? Глупо и унижительно доказывать, что А. Солженицын рассудка не терял. Впрочем, все это не ново. Сумасшедшими объявляли и Чаадаева, и Жореса Медведева (А. Солженицын выступил тогда в защиту последнего).**

Другой оппонент А. Солженицына, Б. Шрагин, делает из А. Солженицына какого-то средневекового мракобеса, пишет, что А. Солженицын "распространил понятие "образованщины" на всех образованных людей вообще. Образование, знание превратились в его интерпретации в отрицательный атрибут, стало как бы синонимом лакейства"*** И поскольку ничего похожего А. Солженицын не говорил, Б. Шрагин не утруждает себя и доказательствами.

Должное быть отнесенным на свой собственный счет критики А. Солженицына почему-то перекидывают на оппонентов. В. Белоцерковский пишет: ****

...у нас нетерпимость произрастает главным образом все из той же всепожирающей завистливости и опустошенности... Это нетерпимость не к иным взглядам, а к взглядам (любим) иных людей.

Это действительно так. А. Солженицына сейчас подвергают критике за любую его статью. Если о радиостанции "Свобода"***** — так все ложь. Если о Польше,***** — так оказывается, что и поляки,

---

* В. Белоцерковский, "Феномен Солженицына", газ. "Новый американец" №110, 23-29 марта 1982, стр. 10-11.

** См. А. Солженицын, "Бодался теленок с дубом", ИМКА-Пресс, 1975, приложение №13 — "Вот как мы живем", стр. 542-543. "Раз думаешь не так, как положено — значит, ты ненормальный!" (там же, стр. 542).

*** Б. Шрагин, "Тоска по истории", в сб. "Самосознание", Нью-Йорк, 1976.

**** "Гипотеза надежды", газ. "Новый свет" №8, 12-18 декабря 1981.

***** Интервью А. Солженицына американскому телевидению опубликовано в газете "Новое русское слово", 4-7 ноября 1981 г.

***** А. Солженицын, "Главный урок".

и покойный кардинал Вышинский, и даже Римский Папа желали не освобождения Польши от коммунистической диктатуры, но социалистических преобразований.* Будто бы Валенса — не глубоко верующий католик, а член ПОРП, будто бы тысячи не приходили на крестины дочери лидера Солидарности. Будто бы гордые поляки, скандирующие "гестапо!" избивающим их милиционерам и войскам безопасности, забыли о своем национальном достоинстве. Будто не коммунистическая диктатура, но католическая церковь стоит на пути к свободной Польше. Здесь примешиваются еще и смехотворные утверждения: дескать, "на самом деле", Ярузельский — не коммунистический диктатор типа Кастро, но польский националист, спасающий Польшу от советского вторжения.** Не слишком удивляет, когда подобными заявлениями "балует" себя Вилли Брандт — ему об этом сказал с а м Ярузельский. Тому как раз нужно было получить отсрочку по выплатам 26-миллиардного кредита. Тут кем угодно назовешься. Но ведь автору той статьи в "Новом американце" Ярузельский ничего не говорил. И во всех случаях, зачем дезинформировать общественное мнение русской эмиграции, принимать тактический ход Ярузельского за чистую монету?

Когда А. Солженицын подверг критике работу американской радиостанции "Голос Америки", его также немедленно обругали в ответ. Но вот Михайло Михайлов согласился с тем, что "замечательно верна критика Солженицыным передач "Голоса Америки", причем, "если бы Солженицын слушал передачи "Голоса Америки" на Югославию, то он бы мог намного резче осудить бездарное использование "самого могучего средства, которое находится в руках Соединенных Штатов для того, чтобы установить взаимопонимание

---

* Автор статьи "Польские уроки", в частности, пишет: "Главный конструктивный урок эпохи СОЛИДАРНОСТИ: органическое стремление трудящихся в странах государственного социализма к строю социалистического... самоуправления... Даже кардинал Вышинский выступал за социалистическое самоуправление, а папа Римский специально этому посвятил "энциклику о труде" (В. Белоцерковский, "Польские уроки", газ. "Новый американец" №109, 16-22 марта 1982 г).

Автору этих перевертышей следовало бы не постесняться и привести соответствующие цитаты, из которых читателям стало бы очевидным, что социализм — это именно тот строй, за который сегодня поляки кладут свои головы в борьбе с социалистическим правительством Польши.

** "Ярузельский и стоящие за ним поляки считают себя патриотами, спасающими Польшу от советского вторжения и расправы." И тут же: "Плакаты о военном положении были напечатаны в СССР в сентябре". (В. Белоцерковский, "Польские уроки", стр. 7, 6). Так, кажется, логичнее заключить, что от советского вторжения Польшу спас не Ярузельский, а сам Брежнев.

и даже союз с угнетенными народами”.* И, конечно же, никому в голову не пришло критиковать М. Михайлова за ”кампанию”, начатую журналом ”Континент” по указанию или с одобрения Солженицына”.**

Но самый яркий пример был продемонстрирован совсем недавно. Несколько лет назад в своей Гарвардской речи А. Солженицын напомнил американцам, что их государственные служащие и журналисты могли бы добровольно взять на себя и еще одно обязательство: не выдавать открытых им государственных секретов. И свобода слова ни в чем не пострадала бы от этого. Критики А. Солженицына и в этом усмотрели ограничение абстрактного понятия ”свобода”. Но несколько месяцев назад президент Соединенных Штатов Рональд Рейган сделал первую ступень к реализации сказанного А. Солженицыным: запретил правительственным служащим выбалтывать государственные секреты в интервью прессе. Никто не удивился указанию американского президента. Лишь спрашивали: ”Не запоздала ли акция? Почему же раньше не ввели запрещение?”

Кроме открытой критики всего, о чем говорит или пишет А. Солженицын, в спорах с ним его оппоненты используют и прием подтасовки. Б. Шрагин, например, в одной из своих статей сначала дает интервью с ”полной дамой из Одессы”, проживающей в Нью-Йорке, а затем пишет: ”На Западе ”слишком много свободы” и на вкус скромной еврейки из Одессы, согласно инвективам русского патриота, всемирно прославленного творца ”Архипелага ГУЛага”.***. Предполагается, естественно, что читатели проведут прямую параллель: тупая ”скромная еврейка из Одессы” начиталась Солженицына и теперь утверждает, что на Западе слишком много свободы. Как будто не ясно, что ”полная дама из Одессы” А. Солженицына вообще не читала. Здесь, конечно же, и слоновьей тонкости ирония: ”всемирно прославленный творец”, и попытка убедить читателей, что на А. Солженицына, мол, и внимания теперь уже никто не обращает, и вам, дескать, не стоит:****

Быстро растратив свою необыкновенную славу и авторитет, А.И. Солженицын успел стать на Западе одиозной фигурой. Его периодические выступления

---

* М. Михайлов, ”Континент” №28, стр. 184.

** В. Белоцерковский, ”Кампания против свободы”, газ. ”Новый американец” №103, 2-8 февраля 1982, стр. 11.

*** Б. Шрагин, ”Авторитарные личности”, газ. ”Новый американец” №105, 16-22 февраля 1982, стр. 10.

**** Там же, стр. 11.

давно перестали восприниматься как откровения и едва ли когда-либо вновь появятся на первых полосах газет...

Появятся еще, не волнуйтесь. Появятся, когда уже будет поздно.

Займствовав у большевиков ленинскую фразеологию, критики А. Солженицына чаще всего и спорить не могут иначе, как используя шаблонные партийные формулировки. Тот же Б. Шрагин пишет: "Навряд ли Лев Толстой был "зеркалом русской революции". Но что А. Солженицын — зеркало русской антидемократии, это очевидно... Давайте, господа антидемократы, выложим наши карты на стол!"*

Давайте. Но сначала откажемся от вешания пустых ярлыков с яркими надписями.

Многие из критиков А. Солженицына ратуют за "буржуазную демократию" не потому, что они "буржуазные демократы". Ни в коем случае. Просто, будучи с о ц и а л и с т а м и, они поняли, как легко можно использовать доверчивую и беззащитную демократическую систему в своих интересах. Любовь социалистических критиков А. Солженицына к демократии — не любовь к демократии как таковой, а к ее слабости, через которую социалисты вполне легально и мирно намерены протопать к очаровательному социализму или коммунизму "с человеческим лицом".** Вот что пишет, например, один из авторов:***

Сахаров считает, что революции производят такие разрушения во всех сферах жизни, что это не оправдывает даже самые благие их объективные цели. Но нельзя отрицать тот факт, что революции или сокрушительные войны и нашествия, выполнявшие их роль (роль "повивальной бабки" по Марксу), были одной из главных движущих сил истории... Сегодня мы — приверженцы демократического социализма — должны были сделать следующий вывод... Всем сторонникам социализма и прежде всего еврокоммунистам надо вслед за первым шагом — утверждением, что при современной демократии можно прийти к социализму мирным путем, сделать второй шаг: признать и понять, что к социализму вообще можно прийти только мирным путем!

...Откроется, наконец, реальная возможность и для реформистского единственно возможного пути к свершению социалистической "эволюционной революции", к построению общества социалистического самоуправления. Можно сказать, что здесь мы приходим к новой трактовке теории "перманентной революции"...

А Лев Копелев доказывает нам, что "самые суровые меры пресечения" вызывают в СССР ни что иное как "попытки всерьез

---

* Б. Шрагин, "Авторитарные личности", стр. 11.

** Здесь уместно напомнить слова одного поэта: "Если ты коммунист, то и лицо у тебя соответствующее".

*** В. Белоцерковский, "Революция и эволюция", газ. "Новый американец" №104, 9-15 февраля 1982 г., стр. 10.

заняться проблемами марксизма, и особенно — попытки исследовать историю и современное состояние страны с помощью марксистских методов социально критического анализа экономики и общественных отношений... Так что, если и можно говорить о наличии в нашей стране одной господствующей идеологии, то к марксизму и ленинизму она примерно так же близка, как сектантские толки... к учению апостолов..."*

Да, действительно по-разному осмысливают люди опыт жизни в Советском Союзе. И полярно противоположен их подход к западному обществу. А. Солженицын хочет видеть демократию сильную и разумную, демократию, способную а к т и в н о, а не пассивно противостоять своему главному врагу — коммунизму. А социалистические оппоненты А. Солженицына смотрят на демократию как на своеобразный переходный период, за который активисты-леваки при пассивности центра сумеют обработать населению мозги до такой степени, что оно добровольно сунет свои головы в петлю социализма. "Демократическим социалистам" главное, чтоб считалось, что "без кровопролития", мирным путем, а еще лучше — парламентским. А ведь по существу должно быть абсолютно все равно, придут ли итальянские коммунисты к власти легально или нелегально. Главное, чтоб они к ней вообще не пришли. И волю большинства, голосующего за коммунистическое правительство по все равно каким причинам, трудно признать для себя законной, как трудно признать законной и волю большинства, голосующего за правительство фашистское (наглядный урок преподнесла нам нацистская Германия).

Социалисты, критикующие А. Солженицына за "антидемократизм" или "антизападную пропаганду", демократами ни в коем случае не являются. Б. Шрагин, например, вслед за М. Михайловым, допускает мысль о том, что со стороны американцев было бы оправданным запретить эмигрантам из СССР, придерживающимся "антидемократических взглядов", въезд в США, точно так же, как американцы "это делают относительно фашистов и коммунистов, то есть людей, политические убеждения которых несовместимы с американской Конституцией"**. Впрочем, Б. Шрагин забывает упомянуть, что как раз коммунистов, точнее — бывших коммунистов, людей, покинувших ряды КПСС перед подачей документов на выезд из СССР, американское правительство в США впускает практически беспрепятственно.

Демократом не является и В. Белоцерковский, обвиняющий

---

* Лев Копелев, "О правде и терпимости", Нью-Йорк, 1982, стр. 42.

** Б. Шрагин, "Авторитарные личности", стр 10.

А. Солженицына с одной стороны, "либералов" — с другой.* А один из ведущих советских диссидентов в эмиграции В. Чалидзе предлагает не больше и не меньше, как запретить А. Солженицыну выступать по радио "Свобода",** то есть использовать против А. Солженицына средства явно не демократические.

Наверное, оппоненты А. Солженицына не согласятся ни с единой строчкой этой книжки. И все-таки нельзя не повторить еще и еще раз: обращая внимание на слабые стороны демократии Запада, А. Солженицын способствует ее оздоровлению, а не гибели.

* * *

"Еще не рухнувший Запад..."*** Эти горькие слова правды как нельзя лучше отображают трагизм сегодняшней ситуации. В чем упрекают А. Солженицына здесь? Где видят "антизападную пропаганду в эмигрантской прессе"? Если, согласно проведенному в Западной Европе опросу общественного мнения, подавляющее большинство опрошенных предпочитает советскую оккупацию войне за независимость — да! ЕЩЕ НЕ РУХНУВШИЙ ЗАПАД! Если могущественная держава — Соединенные Штаты — житница всего земного шара, индустриальная громада, способная снабдить своими товарами не только собственное население, но и многочисленных соседей, далеких и близких, если страна с развитой наукой и наибольшим числом Нобелевских лауреатов и государство, самое демократичное из всех, когда-либо существовавших, не в силах противостоять военной мощи международного разбойника — Советского Союза, население которого никогда не ело досыта и лишено не только элементарных человеческих прав, но и примитивных предметов широкого потребления, — да, ЕЩЕ НЕ РУХНУВШИЙ ЗАПАД в величайшем унижении уступает советскому шантажу, возведенному в рамки государственной политики.

Казалось, к этой точке зрения могли бы присоединиться многие критики А. Солженицына, а на деле с ней солидаризируется только М. Михайлов: "Нельзя не согласиться с Солженицыным в том, что политика западных демократий в отношении тоталитариз-

---

* В. Белоцерковский, "Польские уроки", стр 10.

** См. Valery Chalidze, Solzhenitsyn's Authoritarian Russian Nationalism, Russia (Chalidze Publications) #3, 1981, p. 13.

*** Слова А. Солженицына. Обращение к конференции народов, поработанных коммунизмом, журнал "Вестник РХД" №116, 1975.

ма чаще всего вызывает один лишь пессимизм у вдумчивого наблюдателя”.* И это заявление М. Михайлова у оппонентов А. Солженицына никаких возражений не вызывает. Но высказывания самого А. Солженицына критике всегда подвергаются. Так, ”антизападной” объявлена речь А. Солженицына в Гарварде. О ней пишет и В. Чалидзе:**

Описание западной демократии и свободы подменяется карикатурой, с детства знакомой по советским газетам. Что же скажут те в России, кто не верил этому газетному бреду? Скажут: ”Наверное, правда, вот и Солженицын говорит...” ...Вся страсть его речей о Западе обращена к людям в России, и призыв в них один: не следуйте Западу, его демократии, его свободе, его разврату, не следуйте всему, что отвращает ваши души от чего-то расплывчатого, но истинного, высокого, русского

Между тем, в речи А. Солженицына не было карикатур, но — Правда, пусть не всегда приятная для слуха американцев. Неужели В. Чалидзе не согласен с тем, что толпы грабителей ослепшего Нью-Йорка — признак упадка нации? Что тринадцатилетние дети не способны осознать величайшее право свободы без того, чтобы не открыть порнографического журнала и не выкурить сигарету марихуаны? Разве действительно не удручает оппонентов А. Солженицына та убийственная пустота американского телевидения, когда на протяжении часа местных новостей сообщают о пожарах и насилиях и редко — о серьезных проблемах внутренней жизни США. Когда программа международных событий будто специально обходит острейшие мировые вопросы в дни польского военного переворота!

Подобной критики мы не встретим на страницах советской прессы. И почему А. Солженицын должен думать не об Истине, но о том, что произнесенные им слова правды ”сыграют на руку” советской пропагандистской машине или рассеют многочисленные иллюзорные представления советских граждан о западном обществе? В конце концов, и оппоненты А. Солженицына не думают о том, что советское правительство может использовать в своих интересах и направленную против А. Солженицына критику советских эмигрантских авторов, пусть даже против их собственной воли. К тому же, статьи А. Солженицына обращены в первую очередь к Западу, и лишь во вторую — ко всему мыслящему человечеству,

---

* М. Михайлов, ”Континент” №28, стр. 182.

** В. Чалидзе, ”О некоторых тенденциях в эмигрантской публицистике”, ”Континент” №23, 1980, стр. 156.

в том числе и к гражданам СССР.* Эти страстные речи, основанные на глубоком понимании психологии коммунистических лидеров и западных правительств, имели своей целью в который раз обратить внимание западной общественности, столь чуткой во многих других случаях, на ту давно надетую на шею Западу петлю, которую только осталось, что затянуть.

В каждом выступлении А. Солженицына на Западе, опубликованном на английском (и лишь затем на русском), в каждом его интервью западному телевидению оппоненты А. Солженицына почему-то видят не естественное желание писателя высказать Западу свое мнение об острейших мировых проблемах, но тайный "пропагандистский маневр" на Россию: "не берите с них пример".** Неужели критики А. Солженицына действительно думают, что русскому писателю нужен посредник в общении со своим с народом? Если, как пишет В. Чалидзе, основную угрозу России А. Солженицын видит во вредном влиянии Западе, что мешает ему открыто сказать об этом своим соотечественникам? Кажется, уже никто не считает, что А. Солженицын боится критики. В разные периоды времени, в разных странах и разные лица называли его диссидентом, клеветником, отщепенцем, реакционером, предателем, монархистом, русским или обычным фашистом, антисемитом, националистом, шовинистом... Из всех терминов не использованным остался только один — коммунист. И вот В. Чалидзе хочет убедить читателей, что А. Солженицыну не хватает мужества, обратившись непосредственно к России, сказать о Западе Правду. Не проще ли предположить, что сказанное Западу к Западу же и обращено?

В. Чалидзе продолжает: "Другая тенденция (А. Солженицына — Ю.Ф.), также чтоб отвратить русских слушателей от Западе, — обвинение западных держав".*** В. Чалидзе идет на "признание моральной правоты Солженицына во многих его упреках Западу",**** но получается, что вина А. Солженицына и заключается как раз в том, что он говорит о Западе правду. В. Чалидзе пишет:*****

---

* А. Солженицын сказал в Гарварде: "Если бы сегодняшнюю речь я произносил в своей стране, я, в общей схеме раскола мира, сосредоточился бы на бедствиях Востока. Но поскольку я уже четыре года вынужденно нахожусь здесь и аудитория передо мною западная, — думаю, будет содержательней сосредоточиться на некоторых чертах современного Западе, как я их вижу" ("Публицистика", ИМКА-Пресс, 1981, стр. 282).

** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 160.

*** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 157.

**** Там же.

***** Там же.

Конечно же, можно было бы эти о б о с н о в а н н ы е упреки выразить более связно и убедительно, но у него достаточно причин для страстности, страстности русского страдальца, помнящего, как на эту непомогшую Европу или Америку смотрели из России, из лагерей, и получали то, что воспринималось как предательство: и выдачу беженцев на удобрение ГУЛагу, и лицемерные похвалы зверскому режиму, и глухоту к честным свидетельствам о страданиях людей.

Но, во-первых, многие его упреки морально справедливы лишь с точки зрения россиянина: они ждали, а им не помогли... Главный упрек – в теперешнем отступлении перед напором коммунизма в мире, в том числе упрек в том, что не поддерживает Запад антикоммунистические силы в СССР.

По существу, как вынужден признать даже В. Чалидзе, А. Солженицын в своих обвинениях Западу прав. Ведь "с точки зрения россиянина" – все упреки справедливы. А, кажется, А. Солженицына пригласили с речью в Гарвард именно как "россиянина", а не как турка или монгола. Но уж слишком хочется В. Чалидзе убедить читателей, что А. Солженицын "отвращает" "русских слушателей от Запада". И факт обвинений, признанных справедливыми самим В. Чалидзе, тот же В. Чалидзе вменяет А. Солженицыну в вину.

Впрочем, В. Чалидзе напрасно приписывает А. Солженицыну "упрек в том, что не поддерживает Запад антикоммунистические силы в СССР". А. Солженицын как раз на поддержку Запада не уповал.*

После моего первого выступления, как всегда в прессе бывают, были – поверхностные, в суть не вникающие комментарии. И один из них был такой: будто я приехал в Соединенные Штаты просить освободить нас от коммунизма. Кто хоть сколько-нибудь следил за тем, что я писал и говорил много лет в Советском Союзе, а потом уже на Западе, тот знает: я всегда говорил противоположное. Я призывал моих соотечественников, тех, у кого в трудные моменты дрогнуло сердце, и они смотрели с мольбой на Запад, я призывал: не ждите помощи! И не просите помощи! Это нечестно. Мы должны стать сами на свои ноги. У Запада довольно своих забот без нас. Поддерживают нас – спасибо сердечно. Но просить, но призывать – никогда.

И лишь об одном просил тогда А. Солженицын:**

Зачем вы помогаете нашим рабовладельцам? Когда нас живьем закапывают в землю, пожалуйста, не подавайте лопаты могильщикам! Пожалуйста, не посылайте им современных землеройных машин!

Все недостатки западного общества, в том числе и уступки США "коммунистической экспансии",*** В. Чалидзе считает следст-

---

* А. Солженицын, "Американские речи", ИМКА-Пресс, 1975, стр. 88.

** Там же, стр. 89.

*** В. Чалидзе, "Континент" № 23, стр. 157.

вием "плюрализма западного сообщества государств"* и "меньше всего желает Западу, чтоб он оказался Единым — это означало бы утрату многих ценностей западной цивилизации".** Неужели В. Чалидзе не понимает, что, разобщенный, Запад не выдержит изнурительной борьбы с тоталитарным коммунизмом и утратит свои ценности полностью? Погибнет вся западная цивилизация, и возродится ли вновь? НАТО и было создано для того, чтобы скоординировать х о т я б ы действия военного аппарата. Но и в военном отношении Запад не смог сохранить единство фронта. Уже вышла из НАТО Франция, население которой противилось американско-французскому сотрудничеству частью из-за пресловутого французского национализма, частью — из-за глубоко укоренившихся во Франции социалистических идей и вытекающего из них отрицательного отношения к "капиталистической" Америке. И время от времени какая-нибудь маленькая и слабомощная страна, типа Греции, то входит в НАТО, то выходит из него, при каждом удобном случае шантажируя Америку, как будто речь идет не о безопасности Европы, но о самих США. И вот стекают лавиной организованные на темные деньги антиамериканские и "антиядерные" демонстрации: "Долой американские базы в Европе!". Не удивительно, что против американского правительства в вопросах о вооружении выступают не только лево-либеральные американцы, но и некоторые оппоненты А. Солженицына. В годы, когда военное превосходство Советского Союза становится все более и более очевидным, В. Чалидзе, например, призывает к отмене воинской повинности:***

Я глубоко убежден, что правительства вправе пользоваться набором армии на основе воинской повинности лишь в случаях, когда необходима прямая военная защита территории страны. Во всех других случаях ведения войны, в том числе ведения войны как следствия политических обязательств, правительства должны использовать наемные войска или добровольцев. ...Я надеюсь, что когда-нибудь будет обращено внимание на бесправное положение военнослужащих, призванных на основе воинской повинности.

Это звучит очень гуманно и в унисон с беспечно-либеральным общественным мнением Запада. И автор предложения, вероятно, не подозревает, что, внешне привлекательный, проект об отмене воинской повинности в обязательном порядке потерпит такое же фиаско, как и пакт Келлога-Бриана, ибо в тоталитарных государ-

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 157.

** Там же.

*** Там же, стр. 157-158.

ствах "добровольная армия" будет все той же принудительной; в демократических же — эффективный патриотизм итальянцев не пойдет дальше футбольного матча.

По мудрому проекту В. Чалидзе все, что нам останется — поднять руки вверх и умереть "демократами". Короче, нам предлагают ни в чем не нарушать буквы демократии (например, не вводить все той же п р и н у д и т е л ь н о й воинской повинности), чтобы легче задушил нас тоталитаризм. А чтобы не глодали нас сомнения, что, может быть, зря мы расслабились, зря надеемся, что "пронесет", В. Чалидзе пишет: "...Власть в СССР... не только прочна, она г и б к а, и это значит, что под давлением обстоятельств она меняется и может становиться человечнее..."* Да более негибкого правительства, чем советское — нет в сегодняшнем мире. Как же может В. Чалидзе бросаться столь безответственными и бездоказательными заявлениями? С чем он сравнивает "гибкость" Брежнева? С "гибкостью" Сталина? Так ведь и тот был по-своему "гибок". Мог захватить всю Финляндию, а захватил только часть. И Хрущев был относительно "гибок": убрал ядерные ракеты с Кубы в обмен на демонтаж американских ракетных установок в Турции.

Нежелание американского народа защищать себя от все возрастающей внешней угрозы нам также преподносится как что-то совсем естественное и понятное, вытекающее из всей двухвековой истории США. В. Чалидзе пишет:**

В американском сознании глубоко укоренена идея изоляционизма. Хорошо это или плохо, опасно или нет, эту идею не разрушишь сразу, тут и десяти пророков не хватит. Разве не помним, что нужен был Пирл Харбор, чтобы убедить американский народ в необходимости вступления во Вторую мировую войну?

Но ведь это аргумент в пользу А. Солженицына! В век ядерных ракет зачем доводить до того, чтобы Советский Союз, окружив США со всех сторон, разместив ракеты на Кубе, нейтрализовав американских союзников в Европе, подготовив плацдармы в Африке и Азии, устроил американцам второй "Пирл Харбор"? Не поздно ли будет тогда начинать подготавливать общественное мнение, формировать армию, вооружаться? Конечно, поздно. Ведь современные программы вооружений рассчитываются на 10-20 лет вперед. Ни за день, ни даже за год изменить фактически ничего нельзя.

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 153.

** В. Чалидзе, "Континент" № 23, стр. 158.

Для социалистов и либералов характерно и отрицательное отношение к американской войне во Вьетнаме. Вот что пишет по этому поводу В. Чалидзе:*

Претензии Солженицына и многих других эмигрантских политиков касаются прекращения войны во Вьетнаме. ...Мы знаем о судьбе Южного Вьетнама, Камбоджи, беженцев. Какое отношение, однако, все это имеет к антивоенному движению в США, которое Солженицын считает предательством и признаком расслабления западных характеров? Я не вижу расслабления характеров в том, чтобы протестовать против угона молодых американцев на бойню на край света. Именно угона, ибо была введена воинская повинность. Я думаю, публика реагировала бы совсем иначе, если бы правительство вело эту войну наемными войсками. Для того, чтобы народ был готов проливать кровь за что-то он должен понимать необходимость этого или зажечься героической истерией. Я рад, что вторая возможность не реализовалась. А понимания необходимости не было: значит, правительство не нашло достаточно убедительных аргументов.

В этом отрывке — либо обман, либо недодуманность. Прекращение войны во Вьетнаме было прямым результатом антивоенного движения в США. Тыл дезорганизовал и армию. Отказ от службы в армии из-за непопулярности вьетнамской войны стал повседневным явлением, а американские солдаты стыдились своего в ней участия не перед вьетнамцами, нет, а перед своими согражданами, прикрывающими высокими фразами обычное отсутствие мужества. Нет ничего более простого в Америке и Западной Европе, чем протестовать против собственного правительства. В. Чалидзе, проживший в США уже десять лет, должен прекрасно знать, что протестующий против правительства ничем не рискует. "Расслабление западных характеров" как раз и было в том, что вместо того, чтобы поддержать свое правительство, кстати говоря, выбранного на основах демократических — голосованием, американцы протестовали против объявленной Конгрессом США войны. Вьетнам — не такой уж "край света", каким представляет его себе В. Чалидзе. В век ядерных вооружений нет уже более земель отдаленных. И тем миллионам вьетнамцев и камбоджийцев, погибших после "мирного объединения" Вьетнама и установления там единого коммунистического правительства, вьетнамская война показалась бы сейчас долгожданным миром.

Можно было бы поверить в искренность американских антивоенных лидеров, если б с тем же усердием сегодня они выступали против коммунистического геноцида во Вьетнаме и Камбодже. Но что-то не слышно их возмущения. Да и сам В. Чалидзе, кажется, соглашается, что речь шла не о моральных принципах, а об обычном шкурничестве, если пишет, что на войну, ведущуюся наемными вой-

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 157-158.

сками, американцы реагировали бы иначе. Значит, их волновала не столько "аморальность", с их точки зрения, войны во Вьетнаме, сколько угроза собственной жизни в случае призыва в американскую армию. Следует указать еще и на то, что нет ничего более унижительного для уважающей себя нации, чем наемные отряды иностранцев, сражающихся за интересы беспечных граждан. Да и из истории нам известно: наемники, воюющие за деньги, никогда не были хорошими солдатами, лишь — жестокими.

Легко живущему в 1980-е годы в Америке В. Чалидзе писать с небрежностью: "зажечься героической истерией". Ведь с той же "истерией" Европа воевала против фашизма, США — с Японией, Израиль — с арабами, Англия — на Фолклендских островах. Да если бы зимой 1939-40 года не зажглись бы "героической истерией" финны — не было бы Финляндии. И венгры в 1956 — тоже "зажглись героической истерией". Трудно согласиться и с тезисом В. Чалидзе о том, что непонимание необходимости продолжения вьетнамской войны было прямым результатом отсутствия "убедительных аргументов" в пользу ее ведения. Правительство США "не нашло" таких аргументов.

Правительство не искало их. Не против Северного Вьетнама воевали Соединенные Штаты, но против распространения коммунизма. Объяснить это американцам и Западу, раскрыть им глаза, пока не поздно — вот задача любого здравомыслящего человека.

История всегда оставляла нам время на обдумывание и принятие решений. Уже по крайней мере 65 лет бомбы, подложенные под все цивилизованное человечество, беспрепятственно откалывают куски ЕЩЕ НЕ РУХНУВШЕГО ЗАПАДА. Если бы в ноябре 1917 года незадачливым американским политическим деятелям сообщили, что не пройдет и 45 лет, как Куба окажется во власти издыхающей от голода советской России, они улыбнулись бы такому пророчеству, оставив его без ответа. Еще не взорвались те бомбы в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и Бонне. Но будьте уверены, они взорвутся, если не будут вовремя обезврежены.

Все то же желание во всем быть против А. Солженицына часто приводит его оппонентов к грубым неточностям. В. Чалидзе, например, пишет: *

Улыбка судьбы — именно ненавистные Солженицыну либеральные силы пытаются убедить американцев в запоздалости их изоляционизма, в необходимости большей политической активности в мире, в том числе и в необходимости пещься об обеспечении прав человека в других странах.

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 158.

Вот так и представляется заявление А. Солженицына: "Ненавистные мне либеральные силы..." Где и когда заявлял он подобное? И с каких это пор либералы выступают за большую американскую активность в мировой политике? Уж не сенатор ли Э. Кеннеди, нанесший своему народу удар в спину во время иранского кризиса и захвата заложников? И если по своим корыстным соображениям политикана, рвущегося в президенты США, Кеннеди "печется" — автор выбрал очень удачное слово — об обеспечении прав человека в других странах, нельзя ли, хотя бы по тем же соображениям, побеспокоиться обо всех угнетенных народах коммунистических государств и об обороноспособности своей страны?

Почему-то считается, что интерес к правам человека — совершенно новое явление, что "классический принцип государственного суверенитета" требовал "полного безразличия к внутренним делам международных партнеров".* Здесь опять же и желание быть против А. Солженицына, не уделяющего борьбе за права отдельной личности первостепенного значения. Но, с другой стороны, вопрос этот не риторический, а принципиально важный. Если интерес к правам человека и все, что мы называем "правозащитным движением", — явление второй половины двадцатого столетия, если некоторая либерализация советского режима после смерти Сталина — заслуга наших диссидентов, — тогда имеет под собой и теория оппонентов А. Солженицына, согласно которой Россия придет к своей свободе, а мир — к "планетаризации", демократическому бесклассовому интернационализму, через правозащитное движение, через борьбу за права каждой отдельной личности. И вот при внимательном взгляде на историю выясняется, что интерес к правам человека был присущ и девятнадцатому, и первой половине двадцатого века. Размеры этой работы не позволяют мне сделать детальный экскурс в прошлое, но я напому примеры слишком знакомые, чтобы их отклонить: протесты против геноцида армян, еврейских погромов, дел Бейлиса и Дрейфуса и массовых расстрелов рабочих, например, на Ленских приисках. Можно указать и на то, что симпатии Запада к восставшим в 1830 и 1863 годах полякам во многом сходны с сегодняшним сочувствием к ним; что протесты против вынесения смертных приговоров Сакко и Ванцетти и супругам Розенберг (1953), конечно, заглушили бы возмущение ссылкой А. Сахарова, арестом А. Шаранского, фактическим убийством Ю. Галанского и казнью О. Пеньковского. Или, может быть, выдача Розенбергами американских секретов Советскому Союзу чем-то отличалась от передачи Пеньковским советских секретов США? Лозунг же "Не вмешивай-

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 158.

тес в наши внутренние дела!”, детище советского правительства и двадцатого века, для того и был введен Союзом, чтобы на ”законном” основании творить беззаконие в собственной стране, над собственным народом. Это, конечно, не значит, что нужно отрицать определенные заслуги движения за права человека в СССР. Международное движение, безусловно, окрепло, когда услышало голоса протеста, доносившиеся и из самой России. Но все это не значит, что послесталинским ходом своего развития Россия обязана правозащитному движению и диссидентам. В. Чалидзе пишет: ”Мы в правозащитном движении прошли эту школу безнадежности. Мы действовали, не видя впереди успеха, зная, что если и можно чего-то ждать, то лишь очень медленных сдвигов...”^{*} Как раз наоборот. В действительно безнадежные для советских людей годы — до 1956 — правозащитного движения фактически не существовало. Оно явилось следствием ряда внешних толчков, таких, как восстания в Венгрии в 1956 и в Чехословакии в 1968 годах, образование Израйля с последовавшими арабо-израильскими войнами, приведшими к росту сионизма в СССР; ^{**} и явлений внутренних, важнейшими из которых можно назвать XX и XXII съезды партии и ”разоблачение культа личности” Н. Хрущевым; возрождение, пусть частичное, русской литературы, появление, например, банального по сегодняшним понятиям романа Дудинцева; публикация ”Доктора Живаго” за границей (и автора оставили на свободе! — для СССР тех лет — невероятно); выход в свет ”Одного дня Ивана Денисовича”; дело Синявского и Даниэля; самиздат, окрепший с романами А. Солженицына; и лишь затем — движение за права человека под лозунгом ”Уважайте вашу Конституцию!”.

Правозащитное движение было одним из второстепенных следствий целого ряда сложнейших и важнейших для России явлений. В. Чалидзе же, проектируя борьбу за права человека на первый план, как бы утверждает, что именно с нее и началось возрождение России и Восточной Европы после смерти Сталина. Нет, не с нее. В. Чалидзе между тем пишет:^{***}

...Еще в конце 60-х годов практически никакого влияния на политику идея международной защиты прав человека не имела. Выход этой идеи в политику я отношу за счет международного влияния советского, а затем и восточно-европейского, правозащитного движения... Именно наше движение в последние 10 лет породило м е ж д у н а р о д н о е д в и ж е н и е в защиту прав человека в Восточной Европе с вытекающим отсюда давлением людей на свои правительства.

---

^{*} В. Чалидзе, ”Континент” №23, стр. 155.

^{**} Я прошу не ловить меня на слове. Сионизм — термин ругательный только в советской прессе.

^{***} В. Чалидзе, ”Континент” №23, стр. 159.

То есть не венгерские и чешские события породили правозащитное движение в Восточной Европе и СССР, но советское правозащитное движение породило правозащитное движение в Восточной Европе. Так что появилось раньше, как говорят американцы, курица или яйцо?

Спроектировав борьбу за права человека на передний план, В. Чалидзе переходит и к следующему своему обвинению: А. Солженицын, дескать, "резко выступает против идеи прав человека в том ее виде, как она сформулирована цивилизацией.* Но это обвинение — намеренное передергивание. Просто в стране, где у народа не выработано чувство правосознания, борьба за права личности не может считаться первостепенной задачей.

В. Чалидзе упрекает А. Солженицына и за высказанное им в сборнике "Из-под глыб" скептическое отношение к "идее прав человека".** Не к идее — в сборнике "Из-под глыб" об этом и нет ничего, — но к самому движению, его силе и перспективам развития, а это совсем другое. В. Чалидзе обвиняет А. Солженицына, но не дает ни единой фразы в подтверждение своих доводов. В лучшем случае — ссылается на безымянных "последователей", да и из их статей приводит без ссылок на источник лишь одну неполную фразу: "Вот пример: "мысль о примате личных прав при туманном представлении внутренних обязанностей" названа "антиобщественной установкой". Знакомая формула!""*** Неужели В. Чалидзе допускает, что читатель примет это безымянное, вырванное из контекста и потому ничего не значащее высказывание как веское доказательство в споре с А. Солженицыным? И разве вяжется это со сказанным тем же В. Чалидзе четырьмя страницами раньше: "Хотя на права человека у А. Солженицына взгляд особый, но и он, и многие в России и эмиграции недовольны пассивностью американского интереса к нарушению прав в СССР""****

Критикуют А. Солженицына и за "карикатурное изображение" американской прессы: "пресса — главный враг рода человеческого, предтеча антихриста..."***** Эта фраза принадлежит не А. Солженицыну, но самому В. Чалидзе. Он опять передернул мысли А. Солженицына. Если было сказано именно так, почему же не поставить кавыч-

---

* В Чалидзе, "Континент" №23, стр. 160.

** Там же, стр. 162.

*** Там же, стр. 162.

**** Там же, стр. 158.

***** Там же, стр. 162.

ки и не привести дословную цитату? А. Солженицын никогда не говорил ничего похожего. В который раз В. Чалидзе заставляет читателей догадываться о степени приближенности своей гиперболы к оригиналу. Между тем А. Солженицын не отрицал, что западная пресса охраняет свободу своего общества. Но разве оппоненты А. Солженицына не согласны с тем, что пресса могла бы охранять свободу еще лучше?

На страницах американских газет, в целом дающих информацию, вы запутаетесь в лесе колонок с репортажами из здания суда над врачом-насилником; вы затеряете нужную бы вам статью в десятках страниц реклам духов, кастрюль, холодильников и нижнего белья. Неужели оппоненты А. Солженицына считают, что американские редакторы газет печатают расплывающихся в своей шаблонной улыбке девушек, рекламирующих колготки, только для того, чтобы привлекательностью их стройных фигур охранить свободу общества? Или, может быть, критики А. Солженицына всерьез верят, что редактор А. Седых перепечатывает сенсационные сообщения из уважения к свободе печати, а не потому, что многие из его читателей, выписывающих "Новое русское слово" так же автоматически, как и "Известия" в СССР, недалеко ушли от древних римлян, требовавших хлеба и зрелищ? И не в расчете ли на низменные чувства американцев значительное число газет коронует свои первые страницы лошадиными буквами заголовков типа "Шестое замужество Элизабет Тейлор!". За день мировой активности неужели не случилось ничего более существенного?

Формально прав М. Михайлов, утверждающий, что, мол, никто не заставляет А. Солженицына читать желтую прессу, когда есть и серьезные журналы.* Дело, разумеется, не в А. Солженицыне — он желтой прессы не читает. Но человеческий мозг за сутки впитывает лишь ограниченное количество информации. Вы стоите в "универсаме" в очереди, недолго, пять-шесть минут. Прямо перед вами, почти рядом с кассой, стенды с газетками и журналами. Как поговору, на вас смотрит именно желтая пресса, ничего больше. И не каждый американец или западноевропейец обладает достаточно самосознанием для того, чтобы остановить свой выбор на серьезной политической, скажем, а не развлекательной или детективной газетной статье. Если на девять серьезных журналов приходится один легкомысленный или порнографический, все не так плохо. При такой раскидке больше шансов, что и средний американец схватится не за заставленную в угол киоска порнографию, а за "Таймс" или "Ньюсуик", а то и за "Нэйшнел Ревью". Но раскладка

---

* М. Михайлов, "Континент" №28, стр. 188.

получается совсем другой. На десять легких журналов — один серьезный. И куда меньше шансов, что именно его выберет уставший после рабочего дня читатель, возвращающийся в свой уютный домик.

Из общего хора статей, критикующих Гарвардскую речь А. Солженицына, не многим выделяется и следующее высказывание В. Чалидзе, с которым я вынужден не согласиться:*

"Вестник русского христианского движения" №128 поместил обзор отзывов на Гарвардскую речь Солженицына. Сказано: "Речь всколыхнула всю страну..." Ну, "всколыхнула" — это дань растущему культу личности Солженицына, но, правда, речь поразила многих. И поразила потому, что американцы поспешили провозгласить Солженицына символом борьбы за свободу. Теперь же видно, что он годится лишь в символы борьбы за свободу от коммунизма, но никак не за свободу вообще.

У читателей и слушателей могут быть различные мнения по одному и тому же вопросу. В. Чалидзе на той речи не был. Где-то в середине ее начался дождик. Но никто не встал, не ушел.** Все молча слушали. Время от времени раздавались аплодисменты. И в самом начале речи кем-то из русских эмигрантов уже был поднят в воздух заранее заготовленный ругательный плакат.

Думается, что Гарвардская речь А. Солженицына могла всколыхнуть Америку. Не всю, лишь мыслящую часть ее народа. И если автор статьи в "Вестнике...", применив стандартный журналистский прием, приписал всем американцам свое собственное ощущение, нужно ли видеть в этом "дань растущему культу личности Солженицына"? Разве резанула бы нам слух фраза: "Высылка А.Д. Сахарова в Горький взволновала всю мировую общественность"? Наверное — нет.

А. Солженицын, действительно, не борется "за свободу вообще" (а что такое свобода вообще? Свобода по Полю Сартру?). А. Солженицын делится опытом коммунизма. Только в сегодняшнем мире, где коммунизм является врагом номер один, борьба за свободу от коммунизма и есть борьба за свободу. Впрочем, это опять вопрос позиции.

В. Чалидзе критикует А. Солженицына и за то, что его "политическая цель", как он это называет, "показать ядовитость марксизма, то, что он всегда придет к концентрационным лагерям".*** Контр-

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 163.

** А. Солженицын кончил свою речь фразой, не вошедшей в печатный текст статьи: "Спасибо, что сидели под дождем".

*** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 163.

аргумент В. Чалидзе: "одна ссылка на практику нынешнего коммунизма и его зверства не может опровергнуть теории Маркса".* Но что же тогда вообще может опровергнуть теорию, если не практика? К тому же дело даже не в том, что "хорошая" теория была испорчена" практикой. Экономическая теория Маркса опровергнута уже и теоретически, и практически, в то время как его политические теории коммунизма подразумевали именно то, что на практике построили Ленин, Троцкий, Сталин, Мао Цзе-дун и Тито:

Существует лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – революционный терроризм.**'

Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать террор лицемерными фразами.***

Народная месть прорвется с такой яростью, о которой и 1793 год**** не может нам дать никакого представления.*****

Трудно догадаться, что и это высказывание принадлежит не коммунистам-практикам типа Ленина, Троцкого и Мао, но тихим теоретикам – Марксу и Энгельсу:*****

В одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти... Мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны... Прежде чем мир будет способен дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать чудовищами, на что нам, конечно, наплевать.

Неужели после того, как концентрационные лагеря растеклись не только по просторам СССР, но и в с е х б е з и с к л ю ч е н и я коммунистических стран, правомерно поднимать детский вопрос о теории и практике коммунизма? По В. Чалидзе же получается, что мы, ко всему прочему, должны быть благодарны Марксу и Энгельсу за то, что для нас была сформулирована теория, под которую нас же и похоронят:*****

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 163.

** К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 5, стр. 494.

*** Там же, т. 6, стр. 548.

**** Имеется ввиду террор французской буржуазной революции.

***** Там же, т. 2, стр. 515.

***** Там же, т. 25, стр. 187.

***** В. Чалидзе, "Континент", №23, стр. 163-164.

Когда Маркс и Энгельс писали свой "Манифест", "призрак коммунизма" действительно бродил по Европе. Никому не было ясно, что это за призрак, в какие одежды он готов одеться. Отвлечемся от симпатий Маркса и Энгельса и признаем ценным то, что они этот призрак описали и показали одним, чем о ж н о ж е л а т ь, другим — чего н а д о о п а с а т ь с я. Они не изобрели, не придумали этот призрак... Взрыв мог бы произойти и без пропаганды марксизма.

Если бы Маркс и Энгельс не "придумали этот призрак", т.е. не сформулировали теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата, мы бы сегодня и имен их не знали. Никакой "призрак коммунизма" не бродил по Европе до тех пор, пока "Маркс и Энгельс не написали "Манифест коммунистической партии". Любой человек, изучавший марксизм хотя бы поверхностно, знает это так же хорошо, как таблицу умножения. Рабочему не приходило в голову подниматься на организованную борьбу с "капитализмом" и "буржуазией" до тех пор, пока Маркс не сообщил изумленному пролетариату, что общество делится на классы, что пролетариям нечего терять, и что в уничтожении капитализма и строительстве коммунизма и заключена историческая задача рабочего класса. Пролетарий не требовал установления 8-часового рабочего дня, пока теоретики рабочего движения не сообщили, что это требование (не 7 с половиной и не 8 с половиной, а восемь часов работы) и является основным экономическим требованием рабочего класса. И именно поэтому требование о 8-часовом рабочем дне стало считаться вскоре политическим, а не экономическим требованием. Рабочему не приходило в голову требовать оплачиваемых отпусков, пока теоретики не сообщили, что рабочий должен их требовать. И сводить всю дьявольскую гениальность Маркса и Энгельса (и вообще марксизма) лишь к тому, что они "описали и показали", значит в лучшем случае — ничего не понимать в марксизме, а в худшем — намеренно обманывать читателей. В том-то и дело, что без пропаганды марксизма не было бы никакого взрыва.

В школе и в институтах в Советском Союзе все мы "изучали" работу Ленина "Три источника и три составные части марксизма" и навсегда запомнили, что марксизм — продукт исключительно западный и в фундаменте его лежат английская политэкономия, немецкая философия и французский социализм. Но когда эту известную каждому из нас прописную истину повторяет А. Солженицын, стремящийся доказать американским специалистам по СССР, что истоки советского коммунизма следует искать в марксизме, а не в Российских Уложениях о Наказаниях 1845 года, на А. Солженицына обрушиваются потоки несправедливой критики и обвиняют в "антизападной пропаганде".

Подвергается критике и взгляд А. Солженицына на февральскую революцию, изложенный им в одном из интервью Би-Би-Си. А. Солженицын, в частности, говорил:*

Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгода, до полного упадка... Так, что не только не было никакой Октябрьской революции – но даже не было и настоящего переворота. Февраль упал сам... Я понял, что несчастный опыт февраля, вот его осознание – это и есть самое нужное сейчас нашему народу.

Разбирая данную цитату, В. Чалидзе по существу проблемы не говорит ни слова, вместо этого он опять вязнет в натяжках. В. Чалидзе пишет: "Вот они, лозунги: все беды от Республики, от демократии; не стремитесь к ним, не поддавайтесь на обман отравленных Западом либералов. А кто либералы? – те, кто говорит о праве и о правах!"**

И это все, что В. Чалидзе усмотрел в попытке писателя осознать опыт февральской революции. Мне всегда казалось, что т а к цитаты "разбирают" только в советской прессе. Сопоставив цитату из интервью и разбор, сделанный В. Чалидзе, мы без труда заметим, что А. Солженицын ни слова не говорит ни о Западе, ни о демократии, ни о правах, к которым В. Чалидзе постоянно сводит свои размышления. В русской исторической науке сформулированный А. Солженицыным вопрос является одним из сложнейших. То, что не было октябрьской р е в о л ю ц и и, а лишь переворот, свержение большевиками Временного правительства – в этом сегодня мало кто сомневается. В первые послереволюционные годы события октября 1917 года революцией не называли даже сами большевики, в том числе и Ленин с Троцким.*** Лишь несколько позже начали создаваться легенды о несуществующем сигнальном выстреле "Авроры" и "штурме" Зимнего дворца, во время которого погибло лишь шесть человек.**** И если не осталось ни одной преданной части,

---

* Интервью опубликовано в журнале "Вестник РХД" №127.

** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 165.

*** "В самый момент октябрьского п е р е в о р о т а.." (Ленин, ПСС, т.41, стр. 57). Или – "В первые же дни, если не часы, после п е р е в о р о т а Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании..." (Троцкий, "Правда", 9 апреля 1924 г.).

**** В разговоре по прямому проводу 26 октября 1917 г. председатель Центробалта Дыбенко спросил комиссара Центробалта Ховрина: "Скажи, сколько убитых и раненых у дворца?" Ховрин: "Убито 5 матросов и 1 солдат. Раненых много". Дыбенко: "Сколько с другой стороны?". Ховрин: "Никого". (См. "Великая октябрьская социалистическая революция". Документы и материалы, Москва, 1957, стр. 666).

решившей защищать социалистическое правительство, если никто из охранявших в ту ночь Зимний дворец не погиб в перестрелке с большевиками, разве не означает это, что "февраль упал сам"? А если упал сам и так быстро, пройдя за восемь революционных месяцев путь от правительства кадетского к правительству эсеровскому, то не потому ли, что страна в целом не была готова к демократии западного типа? Как пишет тот же В. Чалидзе, "у подавляющего большинства народа нет представления о том, возможна ли другая власть, кроме той, которую они видят".* Это — о сегодняшнем Советском Союзе. И невозможно предположить, что крестьянская неграмотная Россия 1917 года приняла бы демократию легче, чем современная. События 1917 года как раз и показали, что она ее не приняла. Ни российские народы, ни политические партии не были готовы к выборам в Учредительное собрание, к демократическому строю и к участию в управлении страной.** Хрестоматийное заявление Ленина: "есть такая партия" — служит этому доказательством куда более серьезным, чем любые мои аргументы: за исключением большевиков, все политические партии России считали себя неподготовленными к взятию власти в свои руки. Ленин пошел именно тем путем, о котором писали Маркс и Энгельс: "В одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет встать у власти..."

В. Чалидзе, вероятно, не станет отрицать, что классическими образцами западной демократии являются Англия и Франция. Но ведь почему-то, оставляя за собой право иметь демократические правительства, эти страны крайне медленно освобождали из-под своей опеки колониальные народы. Французы и англичане отчетливо понимали, что ни Индокитай, ни Африка не готовы нести на себе то бремя демократии, которое европейцы привезли туда в трюмах своих кораблей. И никто из нас никогда не смел обвинить

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 154.

** В разгар "революционной ситуации", при повышенной политической активности масс, в ноябре 1917 г. в выборах в Учредительное собрание приняли участие примерно 50% избирателей. В среднем каждый второй российский гражданин, имевший право голоса предпочел им не пользоваться и не участвовать в выборах в Учредительное собрание. (См. О.Н. Знаменский, "Всероссийское Учредительное собрание", Ленинград, 1976, стр. 294). И в 1921 г. Ленин с дьявольской усмешкой сказал в интервью американским корреспондентам: "Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или советское... Разве может человек со здравым умом допустить даже мысль об Учредительном собрании при том ненормальном состоянии, в котором находится Россия?.. (Ленин, ПСС, т. 43, стр. 129).

Францию и Англию в ненависти к демократии, либерализму и "правам человека". Мы как бы знали, что зерна демократии не приживутся самостоятельно на целинных землях. Когда же, будто специально подтверждая нашу теорию, демократии бросали своих подопечных, вчера еще требовавшие свободы колониальные народы гибли в гражданских войнах, междоусобицах, геноцидах и правительственных переворотах. Будем ли мы отрицать, что и несчастье иранского народа сходно с трагедией русского? Посчитав режим шаха н а и х у д ш и м, они свергли его с н а ч а л а, чтобы п о т о м установить л у ч ш и й режим. Этот чужой пример покажется простым и убедительным даже В. Чалидзе. Он не упрекнет меня ни в ненависти к демократии, ни в преклонении перед шахом. Почему же трагедию российских народов критики А. Солженицына видят не столь отчетливо? Ведь когда А. Солженицын говорит: "Нельзя всю философию, всю деятельность сводить: дайте нам права! То есть — отпустите защемленную руку! Ну, отпустят, или вырвем. — А дальше?" — с ним не согласны. А ведь это — и об Иране, и об Афrike, и об Индокитае, и о России, конечно.

Изучавшие историю своей страны по советским партийным учебникам (других ведь не было), мы настолько впитали в себя официальную версию о революции, что искренне не можем поверить предположению, будто не "народные массы", но "организация революционеров" совершила государственный переворот в октябре 1917 года.* Все то же незнание советской истории толкает критиков А. Солженицына и к другим неправильным, на мой взгляд, выводам. В. Чалидзе, в частности, пишет:**

Интересно, что многие авторы несбывшихся пророчеств о скором крахе коммунизма вряд ли согласятся признать свою ошибку, ссылаясь на то, что Запад-де неправильно действовал, а то бы пророчество сбылось. Ну, тут не о чем спорить. П о ж а л у й, х о р о ш о, что Запад, как правило, не основывается на рекомендациях столь мало информированных пророков.

Но в первые 25 лет советской власти именно от Запада зависело существование республики Советов:

— в декабре 1917 — мае 1918гг., когда немцы, движением нескольких своих дивизий могли смести большевистское правительство (о чем их многие и просили), но уж слишком были заинтересованы в пораженческой партии Ленина, согласившейся подписать Брест-Литовский мирный договор, и оставили ее у власти;

---

* Ленин: "Дайте мне организацию революционеров, и я переверну Россию".

** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 153.

– в ноябре 1918г., когда союзнические правительства США, Англии и Франции не только повергли Кайзеровскую Германию, не только вернули Ленину треть отданной по Брест-Литовскому миру России, но и не поставили перед германским правительством ультиматума о свержении большевиков. Между тем, как стало известно позднее, Ленин с Троцким именно этого и боялись. Они явно переоценивали своих противников;

– в 1921 г., когда невиданный голод, спровоцированный продовольственной политикой большевиков: продотрядами, комитетами бедноты и продразверсткой, – грозил всеобщим восстанием против советской власти. Но добродушные страны Запада, во главе с американской АРА, помогали, как могли;

– в 1941-43гг., когда Черчилль и Рузвельт заявили, что считают Сталина своим союзником в войне против Германии и оказали СССР существенную военную и экономическую помощь, простив коммунистическому правительству и годы подрывной деятельности против демократических стран Запада, и аннулированные дореволюционные займы, и советско-нацистский договор 1939г., и Четвертый раздел Польши, и оккупацию Прибалтики.

Человек, достаточно образованный в области права, В. Чалидзе почему-то объясняет непонимание Западом сталинских репрессий какими-то психологическими причинами:*

У меня впечатление, что бессмысленности сталинских репрессий 30-х годов иностранцы понять и не могли. Было естественно считать, что репрессии – это ответ правительства на действительную внутреннюю политическую борьбу. Представить себе, что порабощение происходит без борьбы, здесь просто не могли. Поэтому так много людей здесь поверило, что действительно были заговоры, покушения и т.д., в том числе военный заговор Тухачевского.

Но В. Чалидзе здесь просто фантазирует. Для западного общества в принципе были дики какие-либо постоянные массовые репрессии в европейском государстве, все равно – осмысленные или бессмысленные. Можно было верить в "заговор Тухачевского". Но при чем же здесь "порабощение без борьбы"? К тому же В. Чалидзе почему-то сводит все репрессии к коммунистическим чисткам 30-х годов. А красный террор? Гражданская война? Кронштадское и Тамбовское восстания? Высылки кулаков и коллективизация? Если иностранцы и не понимали бессмысленности сталинских репрессий (а кто их понимал? русские тоже не понимали) – это ничего не меняет. Факты репрессий остаются налицо независимо от того, осознана ли их бессмысленность или нет. Наконец, для осмысления

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 159.

репрессий достаточно было заглянуть в советскую энциклопедию государства и права. Там откровенно сказано, что никакого смысла в репрессиях и не должно быть: "Пролетарское уголовное право, конечно, не знает понятия вины".* А вот что было написано в "Руководящих началах по уголовному праву РСФСР": "Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями... Поэтому наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины..."** Энциклопедия государства и права продолжает:***

С этого пути советское уголовное право уже не сходит. Изданный в 1922 году УК РСФСР и последовавшие за ним УК других союзных республик также обходятся без понятия вины. Не знает его и УК, принятый ЦИК СССР 31 октября 1924 года... Тот, кто не отказывается от понятия вины, в сущности не порвал еще и с возмездием.

После столь откровенных признаний, согласимся, нельзя было требовать от советского правительства осмысленных репрессий, а от западного мира — их осмысления. И вот В. Чалидзе, вместо серьезного обсуждения вопроса о безразличии Запада к коммунистическому террору (впрочем, схожего и с безразличием к террору нацистскому****), навязывает нам обсуждение психологических тонкостей. А вопрос этот не психологический, и связан исключительно с о з н а н и е м ф а к т о в или н е з н а н и е м ф а к т о в, а скорее — с ж е л а н и е м или н е ж е л а н и е м знать факты, правильно проанализировать их. Но вместо того, чтобы признать за собой и за западным обществом незнание фактологии советского права, В. Чалидзе склонен обвинять в неосведомленности Солженицына:*****

---

* Энциклопедия государства и права, т. 1, Москва, 1925, статья "Вина", стр. 428.

** "Руководящее начало по уголовному праву РСФСР", 1919, Москва, изд. Наркомюст, Введение, стр. 10.

*** Энциклопедия государства и права, стр. 428-429.

**** Правительство Великобритании, например, делало все от себя зависящее, чтобы предотвратить бегство немецких евреев из Германии в Палестину. Беженцам из нацистской Германии практически было некуда выехать — тех из них, у кого не было средств к существованию (то есть капитала), никто не принимал.

***** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 155.

Активизации антизападной пропаганды в эмигрантской прессе мы обязаны, пожалуй, именно ему... Иногда кажется, что это ворчание неосведомленного человека. Вот, казалось бы, пустяковая придирка... В интервью с Би-Би-Си Солженицын возмущается: "Осенью 77-го года, во время американской книжной выставки в Москве, американские издатели решили почтить званым обедом главных представителей русской литературы. А звали примерно по такому признаку: кто числится в диссидентах. И вот ирония: на этот обед, собственно, русская литература, стержневая — не была позвана".

В. Чалидзе комментирует:*

Это его обида за "деревенских писателей". Ну, обида вроде бы понятная: "наших" на обед не позвали — в деревнях на свадьбах из-за этого драки бывают. Но ведь легко было по телефону уточнить, что никаких "главных" представителей на обед и не собирались звать, а звали тех, кого публиковали в США!

Я допускаю, что А. Солженицын ошибся. Художник бóльший, чем те приглашенные и неприглашенные, он увидел стержень русской литературы не там, где видят его В. Чалидзе и западные издатели. (Здесь, безусловно, есть простор для нескольких мнений.) Естественно же было А. Солженицыну предположить, что и авторы талантливых, пусть скучных для сегодняшнего западного читателя произведений, а потому и не переведенных и на Западе не изданных, окажутся за одним праздничным столом с писателями, чьи произведения вышли здесь на русском или в переводах. И на такой "пустяковой придирке" вряд ли позволено строить обвинение в неинформированности. Я хотел бы указать В. Чалидзе еще и на то, что, по моему глубокому убеждению, даже в самой острой полемике правила этики не могут позволить приравнять "обиду" автора "Архипелага ГУЛага" и человека, старшего В. Чалидзе по возрасту, за "деревенских писателей" к пьяной деревенской драке. Это правило этики В. Чалидзе нарушил.

Но конечно же, не ради "пустяковой придирки" В. Чалидзе начал рассказывать об "ошибках" А. Солженицына. Пример с книжной выставкой был только прелюдией к более серьезному обвинению, к обвинению в том, что А. Солженицын является скрытым поборником фашизма. Сначала В. Чалидзе запугивает читателей "политизацией патриотизма", "духовным изоляционизмом", от имени анонимной "эмигрантской публицистики" еще и лозунгом "демократия не для русских".** В. Чалидзе прекрасно знает, что у советских эмигрантов можно найти любые высказывания. Но какое

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 155-156

** Там же, стр. 171.

отношение все это имеет к А. Солженицыну? В. Чалидзе же запутывает читателей настолько, что они уже не понимают, где мысли А. Солженицына, где высказывания безымянной эмигрантской публики, где комментарии и предположения самого В. Чалидзе. Это метод советской пропагандистской машины: в статье о Солженицыне разбирать суть Власовского движения и через Власова обвинять в фашизме Солженицына. В. Чалидзе идет именно по этому пути. Он мимоходом перескальзывает на Власова, которого "в некоторых эмигрантских кругах... славят за переход на сторону Германии и вооруженные действия против своего народа".* Но, во-первых, В. Чалидзе попросту спекулирует на слове "народ". Власов сражался не против своего народа, а против коммунистического (да еще и сталинского) правительства.** Во-вторых, прямой связи между генералом Власовым и А. Солженицыным В. Чалидзе установить не может, и на помощь снова приходят "эмигрантские публицисты". В. Чалидзе вырывает из контекста фразу Ю. Блинова: "Профашистское движение "немецких христиан", объявившее фюрера богоизбранным вождем, пользовалось почти неограниченной свободой действий..."*** Эта фраза вроде бы и не говорит ни о чем, лишь констатирует факт. Но В. Чалидзе комментирует ее следующим образом: "В обсуждении националистического авторитаризма проскальзывают и напоминания о некоторых достоинствах немецкого национал-социализма".**** Да где же в этой фразе хоть слово о "достоинствах"? И во всех случаях, — и в который раз — причем же здесь А. Солженицын?

Ну, и наконец — главный козырь В. Чалидзе и единственная "прямая" ниточка между А. Солженицыным и обвинениями в фашизме — речь, произнесенная А. Солженицыным в Испании. В. Чалидзе пишет:*****

Сколько раз ругали мы тех незадачливых туристов, кои, приезжая в СССР, пишут потом небылицы, как-де прекрасно. Тут и Б. Шоу, и Л. Фейхтвангер

---

* В. Чалидзе, "Континент", №23, стр. 172-173.

** Власова в одной фразе лучше всего объяснила Надежда Мандельштам: "Как мы метались в двадцатом веке, зажатые между Гитлером и Сталиным!" (Н.Я. Мандельштам, "Воспоминания", Нью-Йорк, 1970, стр. 261).

*** Ю. Блинов, "Грядущий град", журнал "Вестник РХД", №119, 1976.

**** В. Чалидзе, "Континент" №23, 172.

***** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 156.

оставили о себе дурную память. Но вот А. Солженицын приезжает в страну, пережившую десятилетия фашистской* диктатуры, и заявляет: "Я удивляюсь, знаете ли вы, что такое диктатура, что называют этим словом?" – И это, пробыв 10 дней в стране и увидев что-то отличное от диктатуры, к которой он привык.

Это в стране, в которой закрытые военные суды рассматривали обвинения против гражданских лиц, в которой была цензура и запрет всех политических партий, кроме партии ген. Франко. Десятилетия люди жили с этой диктатурой.

Вот и гадай, читатель, – легкомыслие это или способ сказать, что фашистский режим – это то, что и должно быть для надежной охраны страны от коммунистов. Кто поверит в легкомыслие Солженицына?

Но где же цитаты из А. Солженицына, подтверждающие это самое главное обвинение В. Чалидзе? Их нет. И нет ни одного доказательства. Лишь голословные обвинения и предположения.

Сравнение А. Солженицына с Шоу и Фейхтвангером – поверхностно. Сквозь опыт западной демократии, с одной стороны, напуганные торжеством германского нацизма и итальянского фашизма, с другой, ни Шоу, ни Фейхтвангер не смогли разглядеть существа коммунистического режима. Закрытая для иностранных корреспондентов, туристов и западной информации, советская Россия не спешила рассказать о себе правду и в своих собственных газетах, хотя о процессах и Шоу, и Фейхтвангер, разумеется, знали. Не имея никакой информации об СССР, подкупленные пышным приемом и встречами с высокопоставленными лицами, они составили о режиме в корне неправильное мнение.

Так ли с А. Солженицыным? Нет. Он приехал в Испанию с опытом участника войны и заключенного советского лагеря, мудростью мыслителя и человека, познавшего на себе диктатуру коммунистического режима. С другой стороны, Испания никогда не представляла собой закрытого государства. Если и допустить, что испанские средства массовой информации ничего, кроме пропаганды, не содержали, трудно проигнорировать тот факт, что Испания оставалась открытой и для иностранных корреспондентов, и для многочисленных туристов (Испания, во многом, этим и живет), и для эмиграции и иммиграции (еще при жизни Франко туда начали возвращаться и многие советские испанцы). Таким образом, мы знали об Испании куда больше, чем средний немец, англичанин или испанец об СССР 1930-х годов. Да ведь в конце концов, сегодня нас не обманет никакая ложь ни об одной стране мира, опубликованная в советской газете. Интуицией, не всегда поддающейся логике и объяснению, мы

---

* Точнее было бы назвать диктатуру франкистской (умер Франко и не стало никакой диктатуры). Но В. Чалидзе для концепции очень удобно соседство имени А. Солженицына и "фашизма".

делали самые правильные выводы и о вьетнамской войне, и о положении на Ближнем Востоке, а уж тем более — об Испании, лишь на основании скупых и лживых сообщений газеты "Правда". Признав столь выдающийся дар по нимания за собой, неужели не оставим его и за А. Солженицыным?

Нельзя, конечно, считать, что испанская диктатура для испанцев являлась легкой. Не зная нашего опыта жизни в тоталитарном государстве, не познав, к своему счастью, ни советской, ни германской оккупации, как могли они предположить, что бывает диктатура худшая, чем их собственная? Но в том и заключалось гражданское мужество А. Солженицына, что он осмелился прямо, пренебрегая вероятной несправедливой критикой, вывести испанский народ за пределы местного, ограниченного географией Пиренейского полуострова опыта. Да, франкистская Испания прославилась на всю демократическую Европу цензурой и судами. Только по сравнению с нашей цензурой и нашими судами они кажутся пародией на диктатуру. Вот об этом А. Солженицын и рассказал испанцам.

Многочисленные критики А. Солженицына в вину ему вменяют антисемитизм. Выдвинув это неприятное обвинение, какие же доказательства приводят в его подтверждение? Никак их! В. Чалидзе лишь в очередной раз использует подтасовки. Он цитирует Орехова, Клепикову и Удодова,* он приводит лагерный диалог Синявского с "кем-то".** Да какое отношение все эти цитаты и лагерный диалог А. Синявского, даже если он и не является литературным вымыслом автора, имеет к А. Солженицыну? На процессе А. Синявского и Ю. Даниэля советский суд строил свои обвинения против писателей на цитатах из их собственных художественных произведений. В. Чалидзе идет еще дальше: обвиняет на основании цитат из А. Синявского А. Солженицына. Антисемитизм усматривается и в том, что А. Солженицын, теперь уже в своем собственном художественном произведении "Ленин в Цюрихе" "трогательно", с точки зрения В. Чалидзе, говорит о "рабочем Шляпникове".*** Но А. Авторханов, чеченец по национальности (раз уж ведет В. Чалидзе счет "кровавым аргументам"****) о наркоме труда Шляпникове, единственном человеке, который, в рамках коммунистической

---

* В. Чалидзе, "Континент" № 23, стр. 166.

** Там же, стр. 167.

*** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 170.

**** Там же.

системы, пытался защищать столь ценимые В. Чалидзе права рабочих, отзывается с достаточным уважением.* И это еще никому не давало повода обвинять А. Авторханова ни в антисемитизме, ни в русском национализме.

Но мало этого. Оказывается, А. Солженицын проповедует аморальность, бесчестность и антисемитизм нацистской пробы".** А еще необходимо:***

защитить Сахарова от черносотенных инсинуаций Солженицына (на предмет того, что Сахаров "по известной своей склонности" стал "выразителем" заклятых врагов "русского национального возрождения, соплеменников Парвуса, "сломав фронт" и т.д.).

Вот во что "переделал" В. Белоцерковский фразу А. Солженицына.****

И действительно, по традиции и по наклону к этой проблеме Сахаров подписал им – через 2-3 дня после поправки Вильбора Милза! – не подумав, что он ломает фронт, сдает уже взятые позиции, сужает поправку Милза до поправки Джексона, всеобщие права человека меняет на свободу одной только эмиграции.

В таком ослеплении ненавистью, когда искажается каждая мысль, каждая фраза, спор вести невероятно трудно. И не успеваешь оправиться от одной клеветы, как немедленно подкидывают новую. Очередную "политическую цель" А. Солженицына В. Чалидзе узревает в "идеализации царской России": "Солженицыну и его последователям нужно убедить людей в ценности авторитаризма".***** Здесь поспешно цитирует В. Чалидзе некоего Н. Осипова***** (и опять непонятно, какое отношение имеет Н. Осипов к А. Солженицыну?), а затем в никуда – Осипову? А. Солженицыну ли? – бросает и еще одно страшное обвинение: "нет ли здесь цели убедить людей, что и теперь революцию можно сделать с легкостью?"***** В. Чалидзе, однако противоречит себе же: "Благо-

---

* См. А. Авторханов, "Происхождение партократии", "Посев", 1973, т. 1, стр. 713, 720.

** В. Белоцерковский, "Феномен Солженицына", стр. 12.

*** Там же.

**** А. Солженицын, "Бодался теленок с дубом", стр. 404.

***** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 164.

***** Там же, стр. 164. Не путать с ныне осужденным Владимиром Осиповым.

***** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 164.

даря очень важным разъяснениям А. Солженицына теперь уже не ждуд кровавой революции — он объяснил, что кровь не спасает”. Фраза эта принадлежит самому В. Чалидзе.*

Не забывает В. Чалидзе процитировать и из статьи А. Солженицына ”Раскаяние и самоограничение”.** В. Чалидзе пишет:***

Иногда кровавые аргументы доводятся до бессмыслицы: вот как реагирует известный защитник угнетенных на насильственное переселение и теперешнее преследование крымских татар: ”Татарское иго над Россией всегда ослабляет наши возможные вины перед осколками орды”. Так-то, крымские татары, — покайтесь за предков вместо борьбы за возвращение в Крым! А то, что они — люди, с правом на свою землю, — это второстепенно; важно, что они как будто потомки тех татар!

Да ведь взять любой клочок мысли В. Чалидзе и преподнести его с подобными комментариями, так и самого В. Чалидзе в фашисты записать сможем. ”Правда” еще и не так бы прокомментировала, и все б складно вышло. Есть мысли, которые трудно цитировать строчками, нужно — абзацами. А из этой статьи А. Солженицына и абзацами вырезать нельзя; можно — разделами. Это статья не о ”насильственном переселении и теперешнем преследовании крымских татар”, а о Всеобщем Раскаянии. Вырванная В. Чалидзе из контекста строчка, будто рыба, выброшенная на берег, перестала быть неделимым явлением Природы и погибла под лучами горящего солнца, дав отвратительный запах. Вот о чем шла речь в той статье:****

И не правда ли, есть ощущение: острота раскаяния как личного, так и национального, очень зависит от сознания встречной вины? Если обиженный нами обидел когда-то и нас — наша вина не так надрывна, та встречная вина всегда бросает ослабляющую тень. Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды. Вина перед эстонцами и литовцами всегда больней, стыдней, чем перед латышами или венграми, чьи винтовки довольно погрохали и в подвалах ЧК и на задворках русских деревень. (Отвергаю непременные здесь возгласы: ”так это н е т е! нельзя же с одних — на друиx!..” И мы — н е т е. А отвечаем все — за все!).

Это — лишний довод в пользу раскаяния всеобщего. И какое же очищение, даже восторженное, вызывает у нас, когда враги признают свою вину перед нами! С каким рвением добрым хочется перехлестнуть их в раскаянии, превзойти в великодушии!..

---

* В. Чалидзе, ”Континент” №23, стр. 152-153.

** ”Из-под глыб”, сборник статей, Москва — ИМКА-Пресс, 1974.

*** В Чалидзе, ”Континент” №23, стр. 170-171.

**** А. Солженицын, ”Раскаяние и самоограничение”, стр. 141, 142, 143.

Как всякое раскаяние, так и раскаяние нации предполагает возможность прощения со стороны обиженных. Но ожидать прощения, прежде того самим не настроившись простить, — невозможно. Путь взаимного раскаяния есть и пусть взаимного прощения.

Кто — не виновен? Виновны — все. Но где-то должен быть пресечен бесконечный счет обид, уж не сравнивая их по давности, по весу, по объему жертв. Ни сроки, ни сила обид сравниваться никогда не могут... Но могут сравниваться чувства раскаяния...

Взаимных вин особенно много накапливается в государствах многонациональных и в федерациях — таких, как раньше была Австро-Венгрия, как сейчас СССР... По отношению ко всем окраинным и заокраинным народам, насильственно втянутым в нашу орбиту, только тогда чисто окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу.

После раскаяния и при отказе от насилия выдвигается как самый естественный принцип — САМООГРАНИЧЕНИЕ. Раскаяние создает атмосферу для самоограничения.

Можно не соглашаться в принципе с идеей соизмеримости вин и раскаяний, с мыслью о раскаянии наций и взаимном раскаянии и прощении. Но во всех случаях в указанном контексте цитируемая В. Чалидзе фраза А. Солженицына приобретает абсолютно другой смысл. Если же и говорить о "праве на свою землю", то и цитировать нужно другое:*

Я неоднократно высказывался и могу повторить, что никто никого не может держать при себе силой, ни от какой из спорящих сторон не может быть применено насилие ни к другой стороне, ни к своей собственной, ни к народу в целом, ни к любому малому меньшинству, включенному в него, — ибо в каждом меньшинстве оказывается свое меньшинство. И желание группы в 50 человек должно быть так же выслушано и уважено, как желание 50 миллионов.

Или:**

Я желаю добра всем народам и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас — тем более горячо.

Или:***

Достаточно вспомнить и несчастных крымских татар, которых и сегодня не пускают в Крым...

---

* А. Солженицын, "Не опыт раздора, но опыт единства", "Новый журнал" №144, 1981, стр. 195.

** А. Солженицын, "Письмо вождям Советского Союза", в книге "Публицистика", стр. 135.

*** А. Солженицын, "Публицистика", стр. 315.

Нет ни одной речи, ни одной статьи, в которой А. Солженицын восхвалял бы национализм или шовинизм. Патриотизм — да; национальное возрождение, нравственное возрождение — да. Но не более. И тем не менее критики А. Солженицына из статьи в статью перекидывают вымысел о национализме или шовинизме. М. Михайлов пишет:*

От начала и до конца всей своей статьи в журнале "Форин Эфферс"*** Солженицын бесконечное число раз повторяет слова "национализм, национальное самосознание..." и по существу задача всей его статьи заключается в том, чтобы доказать, что только национализм, и именно русский национализм, является единственной силой, которая может противостоять коммунистическому тоталитаризму и спасти весь мир.

И далее Михайло Михайлов на протяжении своей огромной статьи спорит и спорит с этой самой страшной угрозой, исходящей от А. Солженицына — национализмом, постоянно склоняет это слово. Заколдованный круг. И беспомощно опускаются руки. Ведь в статье А. Солженицына "Чем грозит Америке плохое понимание России" слово "национализм" как таковое самим А. Солженицыным НИ РАЗУ НЕ УПОТРЕБЛЯЕТСЯ.

Вот как писал А. Солженицын:***'

Пугают — фантомом. "Русским национализмом" клеймят сейчас простое чувство любви к своей родине, естественный патриотизм. Но страну, не знавшую 50 лет простого хлеба, — уже никому не настроить к воинствующему национализму.

Или:****

А 1941-45 годы? Вот когда впервые — в масштабе многомиллионном и полностью в глазах всего мира, коммунизм действительно оседлал русский национализм, убийца оседлал полуубитого — и в Америке, и в Англии не только никого это не устрашило, — но вызвало единодушный восторг всего западного мира... И не упрекали, что это "величайшая опасность", хотя на самом деле это и была величайшая опасность.

Главное и основное обвинение М. Михайлова против А. Солженицына — обвинение в национализме. Но ведь нет и предмета спора, так как нет "националиста" А. Солженицына. А сам М. Михайлов

---

* М. Михайлов, "Возвращение великого инквизитора", газ. "Новый американец" №77, 1-8 августа 1981 года, стр. 13.

** Статья А. Солженицына "Чем грозит Америке плохое понимание России".

*** А. Солженицын, "Публицистика", стр. 323.

**** Там же, стр. 325-326.

с невинным непониманием, "противопоставляя" А. Солженицына-писателя А. Солженицыну-публицисту, пишет: "Мысленно озирая солженицынские произведения что-то никак не могу вспомнить образ русского националиста".* Вот именно.

Там, где речь идет о цитатах А. Солженицына, М. Михайлов крайне скуп. Ничего, кроме вырванных из контекста одной-двух строчек он читателю не предоставляет. Зато уж какая широта души проявляется при цитировании "последователей" А. Солженицына! Большими параграфами (куда уж там В. Чалидзе) представлены взгляды В. Краснова, М.Шендера, Т. Шумана, Б. Парамонова, и дан даже отрывок из выступления А. Гинзбурга в Париже. И еще, и еще... На страницу отрывок высказываний М. Джиласа, "слова умнейшего Г.П. Федотова", кусок из статьи Маргушина, и из статьи Меерсона-Аксенова, и из книги Ричарда Пайпса. И конечно же, постоянно – из Достоевского.** Ведь статья называется "Возвращение великого инквизитора". Значит, нужно навязать читателю и эту аналогию: А. Солженицын – националист – инквизитор. Вот только к А. Солженицыну статья никакого отношения не имеет, как не имеет к А. Солженицыну отношения и ни одно из обвинений М. Михайлова.

В унисон с М. Михайловым звучит и Л. Копелев: "Призывы к обособлению России от мира, к созданию некоего сверхобычного авторитарного строя оказываются... всего ближе к идеалам сталинской автаркии "образца 1948-1953 гг." и к программе маоистской "культурной революции". *** Это – о "Письме к вождям", где если и есть призыв, то лишь к залечиванию вековых российских ран.

Но, пожалуй, никто не ушел так далеко, как авторы демагогической статьи "Загадочные оккупанты земли русской".**** Авторы пишут:

Защищаемый А.И. Солженицыным Николай I (когда и от чего А. Солженицын его защищал? – Ю.Ф.) ознаменовал вступление на престол повешением пяти своих диссидентов – "декабристов" (в то время как Брежнев сажает в тюрьмы, ссылает, выпускает за границу, но не казнит...).

На эту демагогию, на это издевательство над человеческим разумом возражать трудно. За участие в попытке государственного

---

* М. Михайлов, "Новый американец" №78, 9-15 августа, 1981, стр. 13.

** М. Михайлов, "Новый американец" №79, стр. 6,7,8 и №80, стр. 8-9.

*** Л. Копелев, "О правде и терпимости" стр. 47.

**** "Загадочные оккупанты земли русской", газ. "Новый американец", 11-16 июня, 1980, стр. 7.

переворота в девятнадцатом веке были повешены пять человек. И в двадцатом находятся люди, которые ставят в заслугу Брежневу, что он уже не вешает открыто. Почему бы не поставить в заслугу Гитлеру, что он не бросал живых людей в котлы с кипящим маслом, а всего лишь в газовые камеры! Будто из советских партийных учебников или лекций неграмотных партагитаторов на нас напускают знакомые формулировки: "Столыпин – столыпинские галстуки", "Россия – жандарм Европы" (и все это печатает, заметим, не "Правда", а эмигрантская газета).* Сталинщина, по мнению авторов, – "рецидив империализма и национал-шовинизма. Русская история едина и революция 1917 г. не стала ее окончанием и рубежом".** Сложнейшие переплетения исторических судеб народов и культур нам пытаются подменить сухими и поверхностными аналогиями исторических личностей:***

Деление русской истории на – до Октябрьской революции и после нее – оказывается условным ввиду хотя бы поразительного сходства царя-изувера Ивана Грозного с изувером-коммунистом Сталиным, императора-реформатора Петра Великого с реформатором-большевиком Лениным, либерального царя Бориса Годунова с либеральным премьером Никитой Хрущевым – остережемся современных параллелей и не станем подбирать историческую пару Брежневу.

И даже не бьет в глаза авторам явное противоречие, что если Сталин – "изувер-коммунист", не может быть сталинщина "рецидивом империализма". И если реформатор Петр I брил бороды и вводил западные моды на одежду, реформатор-большевик Ленин вводил систему заложников и расстрелы по классовому признаку. И я не вижу здесь каких-либо аналогий. И секретарь ЦК Н. Хрущев выдерживает сравнение с Борисом Годуновым в той же степени, что и с Генрихом IV (Наваррским), то есть – не выдерживает его вообще. В л ю б ы х правителях л ю б ы х государств в л ю б у ю эпоху мы найдем что-то общее, прежде всего потому что все они ходили по той же земле, дышали тем же воздухом. И все они были о двух руках, о двух ногах, об одной голове. И что изменится от того, что нам "научно" докажут, например, что Бисмарк и Гитлер – исторические "двойники"? Ведь нужно еще доказать, что "двойниками" были и потомки тех немцев. И почему же было не подобрать "двойника" Брежневу? Не потому ли, что этому банальному типу советского генсека не нашлось параллели в десятивековой истории России?

---

*. "Загадочные оккупанты земли русской".

** Там же.

*** Там же.

Не утруждая себя цитатами из А. Солженицына, авторы объявляют его фальсификатором** и начинают придирчивое жонглирование словами "СССР – Россия"; дескать, по А. Солженицыну "...Все хорошее – русское, все плохое – советское... Кто создал архипеллаг ГУЛаг? Советские. Кто написал "Братья Карамазовы", "Война и мир", "Три сестры"? Русские. А кто захватил Чехословакию, Польшу, Афганистан? Советские."**

Глухой да не услышит. Будто не ясно, что литература – национальна (если это действительно л и т е р а т у р а), будто не понятно, что в тех танках, посланных в Чехословакию и в Афганистан, в тех дивизиях, что вступили в 1939 году в Польшу, были не только русские, но и украинцы, белорусы, грузины, евреи. И в "русские" при всем желании не записать создававших систему ГУЛага Троцкого, Дзержинского, Лациса, Стучку и Уншлихта, даже если под "русских" подойдут Ленин и Бухарин. Если есть советский спорт, советский балет, и советская наука, почему же не быть и советским ГУЛагу? Что за неприкрытый расизм: "все плохое – русское"! А все хорошее?

Другой оппонент А. Солженицына, В. Чалидзе, делает вид, что пишет статью не о писателе, но о политическом деятеле, готовящемся к предвыборной кампании:***

Тайной покрыто желаемое устройство общества. Кто принимает решения? Царь? Патриарх? Верховный писатель? Никаких разъяснений ни у Солженицына, ни у его последователей. Только и разговору, что будущая Россия должна быть православной с высоким национальным духом и авторитарной. А что будут делать с теми, кто ни православия не захочет, ни высокого духа? С диссидентами? Неизвестно. И это настораживает.

"Последователи" понадобились В. Чалидзе в очередной раз для того, чтобы легче было фантазировать (уж кто-нибудь из "последователей" А. Солженицына наверняка сказал хоть что-то в этом роде). Затем опять безответственные заявления и предположения, "верховный писатель" – ругательство, списанное с советских газет, "наивные" догадки:****

У меня есть сильное впечатление, что определенная часть эмиграции вдохновлена идеями вождя (т.е. А. Солженицына. И ведь не случайно В. Чалидзе употребляет это ругательство – Ю.Ф.) и ведет действительную политическую работу в направлении националистического авторитаризма. Я не знаю, осведомлен ли А.И. Солженицын об этом, но я чувствую, что работа ведется во имя его идей. Н е т н и к а к о й о п а с н о с т и , ч т о и х ж д е т у д а ч а .

---

* "Загадочные оккупанты земли русской".

** Там же.

*** В. Чалидзе, "Континент", №23, стр. 172.

**** Там же, стр. 173.

Итак, "опасности нет", идеи А. Солженицына — не названы. Если названы — то извращены. Если не извращены, то не А. Солженицына, а его "последователей". Любой здравомыслящий человек согласится с тем, что А. Солженицын не может отвечать за многочисленные статьи российских и эмигрантских авторов, независимо от того, считают ли себя сами авторы последователями А. Солженицына или нет.

Все было бы не так трагикомично, если б В. Чалидзе не противоречил в этой статье себе же в каждом втором слове. Вот он пишет:*

Русские претензии к коммунизму основываются на том, что народ действительно оказался оторванным от национальной истории; вместо национальной культуры его 60 лет кормили стандартной жвачкой политизированной культуры с претензией на интернационализм, даже само понятие "русский" утрачивает свой смысл и сливается с политическим понятием "советский".

И тут же лаконичным утверждением "Это не так."** встречает цитату из А. Солженицына: ***

За русскими не предполагается любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже о "национальном самосознании", даже оно объявляется опасной гидрой.

Вслед за этим, уже забыв про свои же собственные слова, В. Чалидзе переходит к описанию сталинско-брежневского национально-го государства, в котором страдают "не только евреи".**** Действительно, не только евреи, а все народы и народности Советского Союза. Но государство это — не национальное. А русские в нем страдают — не меньше других. Ведь у каждого малого и большого народа СССР есть хоть какая-то психологическая или духовная отдушина: у евреев — Израиль и пока еще существующая возможность выезда (по крайней мере — теоретическая возможность); у армян — своя церковь, относительно незамученная; у прибалтов — понимание, что их завоевали, — они ясно видят своего врага; у грузин — богатство своей республики (в сравнении с голодной Россией). У русских этой отдушины нет.

Это запугивание нас "русским национализмом", эти многочисленные заверения в том, что сегодняшний Советский Союз —

---

* В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 169.

** В. Чалидзе, "Континент" №23, стр. 170.

*** А. Солженицын, "Сахаров и критика "Письма вождям", "Публицистика", изд ИМКА-Пресс, 1981, стр. 197.

**** Там же, стр. 173.

государство национальное, а не социалистическое,* преследует одну единственную цель — притупить нашу настороженность к социализму, направить нашу энергию в заведомо неправильное русло, на борьбу с "русским национализмом", предоставив социализму свободное от противодействия развитие. Нам не дано уже больше времени пускаться в рассуждения о том, является ли советский социализм "настоящим" или "ненастоящим", "правильным" или "неправильным". Достаточно понять, что он ре а л ь н ы й, п р а к т и ч е с к и с у щ е с т в у ю щ и й, а вероятно, и е д и н с т в е н н о ж и з н е с п о с о б н ы й.

Тем, что А. Солженицын был выслан, а не расстрелян, тем, что жив А. Сахаров, мы обязаны не "мягкости" или "гибкости" советского социализма, а западному общественному мнению, за которым сегодня стоит экономический и военный потенциал Соединенных Штатов и Западной Европы. Если ослабнет Запад, если ослабнет Америка, не будет в "социалистическом лагере" ни диссидентов, ни коммунизма "югославского типа", ни новой "Пражской весны", ни даже "еврокоммунистов". Ничего не будет. Наступит орвелловский 1984 год. И лишь тогда, быть может, мы вспомним сказанное А. Солженицыным:**

Уровень политической полемики заставляет выслушивать весьма плоские, а притом дружные обвинения — например, что я идеализирую прошлое России, не знаю историю собственной страны, а уж тем более не понимаю Америку и все современное человечество, ибо мало разговариваю на бензоколонках. Я предупреждал против злостных искажений русской истории, — мне приписали это как очерпывающую систему взглядов... Я не "читаю нотации", я передаю коммунистический опыт. Мне-то лично проще всего замолчать и предоставить заботу о будущем Америки исключительно единомышленникам мистера Тривса. Когда они испытают все на себе, — у нас будет полное понимание. Но боязнь критики и свежих мыслей — роковая черта обреченных систем... Я мог бы и не спешить со всеми этими аргументами. Уже становится ясно, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я, — неспособны перенести Западу наш кровавый выстраданный опыт

---

* См., например, В. Чалидзе, "Победитель коммунизма", изд. "Чалидзе пабликейшнс", Нью-Йорк, 1981.

** А. Солженицын, "Иметь мужество видеть", "Новый журнал" №144, стр. 174, 194.

и даже нарушить этот эйфорический комфорт, который царит в американской политической науке. Я мог бы не спешить, потому что уже на пороге те события, которые сами бесповоротно откроют Западу его просчеты.

Январь, май 1982

Январь, февраль 1983

Бостон, США

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ТРЕТЬЯ ВОЛНА"

Юрий Мамлеев. "Изнанка Гогена". Сборник рассказов	6 долл.
Евгений Козловский. "Красная площадь". Повесть и рассказ	8 долл.
Евгений Козловский. "Мы встретились в раю...". Роман	18 долл.
"Третья волна" №13. Иллюстрированный альманах ли- тературы и искусства	6 долл.

На складе издательства имеются также книги:

Михаил Хейфец. "Место и время". Заметки, написанные писателем в лагере	7 долл.
Владимир Марамзин. "Смешнее чем прежде". Повести и рассказы	7 долл.
Генрих Сапгир. "Сонеты на рубашках". Стихи	3 долл.
Сергей Довлатов. "Соло на ундервуде". Запис- ные книжки	3 долл.
Игорь Бурихин. "Мой дом – слово". Стихи	3 долл.
Александр Глезер. "Неверный март". Стихи	2 долл.
Евгений Кропивницкий. "Печально улыбнуться. . . . "	
Стихи	2 долл.

Цены указаны в американских долларах

Стоимость пересылки – 1 доллар

Заказы направлять по адресу:

Alexander Glezer
286 Barrow Street
Jersey City, N.J. 07302
Tel: (201) 434-0378

Юрий Георгиевич Фельштинский родился в Москве в 1956 году. В 1974 поступил на историческое отделение МГПИ им. Ленина, но после третьего курса, в январе 1978 года, эмигрировал из СССР. В апреле того же года прибыл в США, и в сентябре был принят в Бостонский университет, где продолжал заниматься изучением истории. С сентября 1979 года — аспирант докторской программы отделения Сравнительной истории Брэндайского университета (Бостон). Специализируется в области советской истории. В 1981 году опубликовал свои первые научные работы. С тех пор несколько десятков его статей опубликовано на английском языке в журналах *Soviet Studies* (Глазго, Великобритания), *Russia* (Нью-Йорк), и на русском языке в журналах "СССР — внутренние противоречия", "Новый журнал", "Континент", "Голос Зарубежья", и в газетах "Новое русское слово", "Новый американец", "Новая газета". В настоящее время заканчивает работу над книгой "На пути к однопартийной диктатуре". Большевикско-левоэсеровские отношения в октябре 1917 — июле 1918 гг." (Убийство Мирбаха)".